

А. Лозовский

**Мелодрама
Повесть**

***Жизнь человека - дело его рук, у каждого есть
возможность ее строить и перестраивать.
И только любовь дается свыше.***

Джон Б. Вильямс

Мне до смерти надоела политика, экономика, триллеры в книгах, на экране и в жизни. Есть ли еще в этом мире место для простых человеческих чувств? Неужели мелодрама осталась только в кино и женской литературе? Тогда я к ним присоединяюсь.

1.

Эта нетипичная для нашего времени история началась в Одессе где-то в конце царствования Ельцина. Интересно, что в голову приходит прежде всего президент России, хотя речь идет об Украине. Как-то украинские президенты не вошли в историю и отличались только тем, что последующий был, как правило, еще хуже предыдущего. Апофеозом стали Ющенко и Янукович.

К описываемому времени в Украине уже развалилось все, что возможно, а новое на месте развалин пока не возникало. Но я обещал мелодраму, поэтому о трудностях, быте, политике говорить по возможности не буду. Больше о личном.

Геннадий был тем, кого сначала называли советским интеллигентом, а некоторое время спустя просто совком. Как и большинство нашей технической интеллигенции, он после института трудился в одной из бесконечных проектно-научно-конструкторских организаций. К концу девяностых почти все эти заведения приказали долго жить, но Геннадию повезло – его фирма под названием «Морпроект» оказалась живучей, ведь нужно было кому-то следить за морским побережьем. Море – живой организм и даже в годы безвременья требовало внимания. Между прочим, эта организация оказалась одной из немногих, которые дожили и до сего дня.

Итак, Геннадий был совком, но не просто совком, а довольно-таки симпатичным представителем этой, казалось бы, в настоящее время отживающей разновидности. Впрочем, я не случайно употребил сочетание «казалось бы», потому что совки, как выяснилось, не вымирают, а мутируют и приобретают куда менее безобидную, а временами просто зловредную форму... Но я обещал о личном, без политики.

Тогда Геннадию было тридцать два года, возраст расцвета. Для своих лет он занимал в организации довольно приличное положение, был заместителем престарелого начальника ведущего отдела. Здоровье начальника было таково, что Геннадий в любой день мог стать у руля, а в том, что именно его назначат – при необходимости, – никто не сомневался. У Геннадия были все данные для этого. Он ладил с подчиненными, ладил – без подхалимства – с начальством, ладил с заказчиками, был доброжелателен и терпелив. И не так давно считался неплохим разработчиком, не хуже других, правда и не лучше.

Геннадий был внешне – и внутренне тоже – довольно симпатичным, как я уже говорил. Вполне приличного роста, выше 180 сантиметров, достаточно широк в плечах, но узок в тазу, словом вполне пропорциональная фигура. Держался ровно, не горбился, несмотря на сидячую работу. Спортом наш герой почти не занимался, разве что иногда бегал по субботам вдоль

побережья за компанию с друзьями, однако от природы был крепок телом, и долго считал, что душой тоже. Лицо, может быть, немного простоватое, но не глупое, даже пожалуй толковое, и безусловно симпатичное. Вы обратили внимание, что я в основном пользуюсь этим определением – симпатичный – так можно охарактеризовать его со всех сторон, включая характер. Эти повторения могут создать впечатление, что я к своему герою отношусь с некоторой иронией. Нет, это не так. Поверьте, он мне симпатич... Тьфу ты черт! Ладно, проехали.

Глаза серые, широко расставленные, нос нормальный, а на виде сбоку даже чуть-чуть курносый, что усиливает впечатление простоты и открытости. Может, только подбородок мог бы быть немного тверже. Он был почти блондином, а это так редко в последнее время встречается, волосы густые, немного волнистые, настолько длинные, насколько ему позволяло положение всеми уважаемого без пяти минут начальника крупного отдела. Все описанное выше обеспечивало Геннадию успех у женщин.

Самое время предупредить, что он уже был женат четыре года, и у них с женой Полиной рос сынишка, которому - как ни странно – тоже было почти четыре года.

Полина была крупная, светлая, «приятная во всех отношениях» женщина, на пару лет моложе своего мужа. Само собой, она тоже прежде была конструктором, но ей повезло меньше - организацию распустили, пришлось устроиться пока продавщицей в магазин. Судьба многих. Но к чести Полины она не очень тосковала по так называемой творческой работе, она ее терпеть не могла. Тут – говорила она – хотя бы не нужно целый день отсиживать задницу. И все время новые люди вокруг.

Они с Геннадием отлично смотрелись вместе. Есть такие пары, сразу видно – это муж и жена. В магазинах ему говорили без колебаний: «Ваша жена...» - далее шел любой текст, но никто в Полине не подозревал подругу, даже сотрудницу, не говоря уже о любовнице. Жена!

Жили они неплохо. Геннадий помогал, хотя Полина его не напрягала и даже сама мыла посуду. Так, в магазин сходить, в уборке помочь и прочее по мелочам.

Они оба были достаточно совково образованными, что не так уж плохо по нынешним временам. В школе и институте читали и смотрели то, что было положено.

Муж естественно любил футбол, болел за киевское «Динамо». Фигурное катание они по телевизору смотрели вместе, концерты тоже, хотя муж к Кобзону, Пугачевой, Аллегровой и даже Киркорову относился с прохладцей. Шоу Полина чаще смотрела одна. В соответствии со временем Геннадий более-менее разбирался в рок группах, ансамблях, отличал «Розовых фламинго» от «Смоков», но пожалуй, дальше этого не пошел. А классической музыкой - нет, не увлекался, классика тогда вышла из молодежной моды. Читал в основном детективы, хотя до русских порнобоевиков, которые в те годы активно размножались, не опускался. Предпочитал западный классический детектив, ну там еще Маринину с Устиновой.

Полина иногда перелистывала входившие в моду глянцевого журналы – но у нее были ребенок на руках и муж, забот хватало.

Жили они в центре города в трехкомнатной квартире, которая досталась им от уехавших в Америку родителей и сестры Геннадия – его бабка по линии отца оказалась еврейкой. Он это не скрывал, но и не афишировал. А родители Полины жили в Одессе, и даже всего в квартале от внука – это было большое подспорье.

Полина в меру пилила мужа, не перебарщивала, даже когда у нее возникали подозрения, что он завернул «налево». А Геннадий хоть и не был бабником, но при случае мог «завернуть», для этого было достаточно предложений со стороны и командировок. И у него не было особых моральных устоев, которые бы этому препятствовали. Он самокритично

признавал, что на большую любовь, длинной в целую жизнь, не способен, и это обстоятельство его даже радовало. На этот счет у Геннадия была целая теория. Он вообще считал, что однолюб, которому выпала такая нелегкая доля – хотя в литературе и быту это почитается уделом немногих счастливых, – на самом деле находится всю жизнь в зоне риска. И еще какого риска! Это за редкими исключениями несчастный человек. Прежде всего, он может не встретить такую же сильную и верную любовь, а только временную или даже кратковременную (представляете его горе?). Достаточно часто (по теории вероятности) его любовь вообще безответна, женщины слишком верных – не отвяжешься – не очень ценят. Избавиться от этой напасти он не в силах – Бог наградил! Но это отрицательные эмоции. А отсутствие положительных?! Он лишен того, что украшает жизнь. Имеется в виду новая влюбленность со всеми ее последовательными прелестями: она мне нравится - кажется, я влюблен; а как она относится ко мне; сомнения, неуверенность; боже, она меня любит, и наконец, какое счастье – она моя! Не напрасно в эти периоды человек расцветает, хорошеет. «Ты так хорошо выглядишь, уж не влюбилась ли?» А однолюб напоминает – бедный – агаву, растение, которое цветет один раз в жизни. Есть счастливые однолюбы, сам знаю одного такого, но это раритет.

Действие мы начнем как раз с того момента, когда Геннадий эту теорию с большим воодушевлением растолковывал после работы за кружкой пива в открытом кафе на углу Гаванной и Дерибасовской своему приятелю, работнику той же организации Сергею Каченкову, которого все знали под кличкой «Качок». И не потому, что он был связан с блатными или хулиганами – я имею в виду прозвище, - Сергей был бывшим спортсменом, в какой-то степени и настоящим. Он до сих пор активно качался на тренажерах и по наличию выпуклых мышц вряд ли уступал молодому Шварценеггеру. Кстати, и был немного на него похож. Прозвищем «Качок» он откровенно гордился.

Было жарко, ни ветерка – август месяц, пиво пришлось очень даже кстати. Геннадий был одет посолонней – светлая рубашка с воротником и короткими рукавами заправлена в брюки. Брюки были обычные серые, но хорошего покроя, судя по всему импорт. Туфли замшевые, несмотря на жару – положение обязывало. Качок демонстрировал современную молодежно-спортивную форму: футболка цвета морской волны - разумеется, без рукавов, чтобы видны были мускулы, яркие надписи на груди и спине на английском языке. Джинсы левайс и фирменные кроссовки.

Разговор на заданную Геннадием тему неспешно продолжался.

Качок был немного моложе Геннадия, но уже три года находился в свободном плавании – был в разводе. Это обстоятельство, включая небольшую, но вполне приличную квартиру, мускулистую фигуру и некоторое сходство со Шварценеггером, давало ему все основания считать себя компетентным в проблемах, затронутых собеседником. Он в принципе Геннадия поддержал, но с дополнением:

- Гена, ты прав. Но есть проблема, сейчас очень тяжело добиться – как ты сказал? - последовательности прелестей. Красиво сказано. Но на последовательность нужно время. А времени мне не дают. И сомнений тоже никаких.

- Не понял. Как так не дают?

- Получается почти как в американских фильмах. Помнишь? Познакомились, посидели в баре. А в конце вечера бутылка в руках и вопрос: «К кому пойдём, к тебе или ко мне?» Какие тут волнения и сомнения?

- А, ты это имеешь в виду... Тогда не выбирай таких, которые у тебя отнимают лучшее. Обирают.

- Я, Гена, люблю девочек ярких, а они, как правило, уже многое знают. Оригинальная девица – не люблю слово телка...

Дальше Геннадий немного отвлекся и потерял нить рассуждений Качка – по тротуару вдоль столиков шла то ли телка, то ли девица, но безусловно, оригинальная. В ней определено что-то было.

Среднего роста, фигурка, которую лучше всего охарактеризовать словом точеная. Можно еще добавить – изящная, стройная, никаких излишеств. Можно было бы сказать худенькая, если бы так наглядно не соблюдались пропорции. Нет, все-таки скорее изящная.

На вид лет двадцать пять, одета – или недоодета - по тем временами довольно смело.

Туфли на высоченных шпильках - Геннадий по привычке обзор начинал снизу. Светло-серые брюки, почти в обтяжку. Немного коротковаты, внизу заужены. Не прозрачные, но создается впечатление, что силуэт все-таки просматривается. Эта мода вернулась в наше время и стала массовой, но и тогда и сейчас цель этого ансамбля была очевидной - подчеркнуть эффектность... Стоп! У меня возникли сложности в описании. В русском языке есть вполне нормальные названия всех частей тела женщины – грудь, ноги, руки, живот, бедра и так далее. Кроме одной и очень даже немаловажной, той, которую подчеркивает описанный ансамбль. Сказать задница - это хулиганство. Зад – просто ужасно. Попа, попка – только для детей дошкольного возраста. Пятая точка... Представляете себе – она повернулась ко мне соблазнительной пятой точкой? Давайте все-таки будем считать – попка. Хотя признаюсь – не звучит. Но нет выхода...

Итак, попка. Она оправдывала затраченные усилия, была точно такого размера и так расположена, чтобы вызывать восхищение. С Геннадием это произошло.

Он продолжил движение вверх. Брюки заканчивались на бедрах, ниже изящной (опять-таки изящной) талии, затем открывалась довольно широкая полоска загорелого тела, сантиметров десять, и только потом начиналась – или заканчивалась - кофточка, судя по всему из паутины. Непрозрачная, но очень тонкая и воздушная, поэтому у Геннадия невольно возникли сомнения – есть лифчик или нет? Впрочем, результат все равно был отличный, а средства – бог с ними...

Кофточка на бретельках, естественно плечи и руки загорелые и красивые, но это летом в Одессе встречалось и сейчас встречается довольно часто. Я бы сказал, город славен красивыми женскими плечами и руками. К этому Геннадий привык. Но неожиданно большое впечатление на него произвела очень красивая, немного удлиненная – раньше она называлась лебединой - шея. Он, как и мы все, никогда не обращал особого внимания на эту немаловажную часть тела женщины. Шея последнее - как минимум – столетие перестала вызывать интерес и даже не является предметом обсуждения. Попробуйте вспомнить, какая шея у вашей жены или подруги. Бьюсь об заклад – не вспомните. Шея и шея, подставка для головы. А ведь скажем в девятнадцатом столетии и далее вглубь веков поэты, художники восхищались ею не меньше, чем глазками, губками, носиком и даже – осмелюсь утверждать – грудью. Может потому, что раньше волосы зачесывались вверх и был обзор? Хотя и сейчас обзор есть у многих женщин - мальчишеские стрижки в моде, но все равно шея авторитет утратила.

А знаете, мне пришло в голову эпатажное объяснение – сейчас у прекрасного пола открыто так много доступных для осмотра мест, что просто не до шеи...

Но конкретная шея, та, о которой мы с вами говорим, была по-настоящему хороша и обеспечивала гордую посадку головы красивой формы, ни большой, ни маленькой, что очень важно при такой фигурке. Прическа была мальчишеская, черные, густые, на вид довольно

жесткие волосы слегка подкрашены «перышками» - как бы мазками более светлого оттенка. Такой «окрас» входил в моду. А лицо на первый взгляд показалось тоже довольно симпатичным, хотя не так впечатлило Геннадия, как весь остальной антураж. Да и видел он только профиль. К тому же чрезмерно большие и блестящие серьги отвлекали.

Походка и весь облик девицы, или телки, произвели на Геннадия впечатление. Они не выглядели вызывающими, не было виляний и намерения привлечь внимание. Скорее девица показалась Геннадию высокомерной и с претензиями.

Он вслух с невольным сожалением суммировал свои впечатления:

- Это не мой тип.

Качок сидел почти спиной к тротуару и не заметил, что его собеседник отвлекся. Наверно, Геннадий своим замечанием попал в струю его рассуждений, потому что последовало спокойное продолжение:

- О вкусах не спорят. Я знаю, что это не твой тип. Ты человек солидный, женатый...

Но Геннадий опять отключился, потому что произошло непредвиденное. Девица, за которой он наблюдал, посмотрела в их сторону, улыбнулась, завернула в проход ограждения кафе и решительно направилась к столику, за которым они с Качком сидели. Опешить Геннадий не успел, потому что она подошла сзади к Качку, наклонилась и чмокнула его в щеку.

- Серега, привет. Давно не виделись.

Ага, Серега, не Качок. Значит, из давних и близких знакомых.

Качок вскочил, заулыбался, и они обнялись, как это делают старые знакомые. Страсти не было.

- Викуша, привет. Ты куда пропала? Я уж думал, что уехала в Киев, не сказав ни слова.

- Не волнуйся, ты будешь в курсе дела. Просто столько хлопот...

- Я понимаю, - он спохватился, - знакомься, это мой товарищ по работе, прошу любить и жаловать.

Девица повернулась, посмотрела на Геннадия довольно сурово. Руки не протянула. Он вежливо привстал.

- Вика.

- Геннадий.

- Понятно, тогда я Виктория.

- И мне понятно. Тогда Гена.

Эта перестрелка смягчила обстановку, Вика улыбнулась, и Геннадий смог рассмотреть ее повнимательней.

Лицо было интересным, но скорее на любителя. Во всяком случае тоже оригинальным, как и все остальное. О прическе я уже говорил. «Черные брови, карие очи». Черные брови были почти прямые, красивого рисунка, но они слишком близко подходили к переносице, что придавало Вике вид требовательный и строгий. Лицо удлиненное, овальное, Геннадию оно показалось породистым, может потому, что нос был хоть и аккуратный, но с горбинкой. Возможно, к появлению Вики на свет божий имел какое-то отношение Кавказ...

Но зато рот противоречил несколько суровой верхней половине лица, он определенно - решил наш эксперт - был чувственным. Губы довольно полные, и вдобавок подкрашены бывшей тогда в моде помадой с каким-то фиолетовым оттенком. Во всяком случае идея, что ее было бы неплохо поцеловать, у Геннадия появилась. Только идея, не желание, но все-таки...

Запах ее духов показался ему знакомым и очень приятным. Тонкий, еле ощутимый аромат. А может, это не духи, а какое-то хорошее мыло, особое... А может... Кстати, запах

опаснейшее орудие природы в сердечных делах и обоюдоострое – либо притяжение, либо отталкивание.

Словом, идея поцеловать сменялась желанием. Слишком быстро для не очень экспансивного Геннадия.

Кажется, Вика уловила эти мысли, потому что сразу же довольно бесцеремонно повернулась к Качку. А Геннадию не оставалось ничего другого, кроме как сесть и еще раз утвердиться в уверенности, что это не его вкус. Ему нравились женщины статного славянского типа, такие, как его Полина, в крайнем случае, как Мэрилин Монро.

- Викуша, садись, посиди с нами.

- Не могу, Серега, у меня свидание. Меня ждут.

- Какое свидание? Свадьба на носу. Вот расскажу Мите...

- Свадьба еще через месяц.

«Ну, конечно, еще через месяц, а пока можно гулять. О времена, о нравы», - подумал Геннадий.

- В Киеве свадьба?

- Да. Назначим на субботу, чтобы вы смогли приехать.

- Вот там я Мите и доложу про твои свидания.

- Брось. Какие свидания... В одну квартиру привезли «сюр», мы хотим посмотреть. Может, что-то возьму в магазин.

Они еще пару минут поговорили, Вика не садилась, вежливый Качок тоже. Геннадий продолжал сидеть. Затем Вика чмокнула в щеку Качка и пошла к выходу. Через пару шагов спохватилась, повернулась и вежливо попрощалась с обоими.

Геннадий посмотрел ей вслед и подумал: «А сама-то величава, выступает будто пава». И сам не понял – это была ирония или что-то другое... Потом повернулся к Качку.

- Тот самый случай? О котором ты мне только что рассказывал? Познакомились в кафе, потом бутылка в руках и «куда пойдём, к тебе или ко мне?»

Качок засмеялся.

- Ничего похожего. Я Вику знаю сто лет.

- На вид она моложе...

- Ты знаешь, что я в институте увлекался акробатикой? Мы с ней работали акробатический этюд. Смешанная пара. Я был на четвертом курсе, она перешла в десятый класс. Работали на профессиональном уровне, и даже имели официальную классификацию в филармонии. Ездили летом на подработки. Деньги нам обоим были тогда нужны. Я же приезжий, жил в общежитии.

- Как это можно? Совсем девчонка!

- А что такого? Ей уже было шестнадцать, паспорт на руках. Девочки в наше время быстро взрослеют.

- Особенно, если им помогают. А как родители разрешили?

- Она их не сильно спрашивала. Да и родители там...

Но Геннадий почему-то был очень возмущен:

- С таким жеребцом, как ты, отпускать девочку на гастроли? - И ехидно продолжил: - Какие там у вас были гастроли?

Качок удивился неожиданному напору приятеля и даже смутился.

- Был грех, что говорить. - И стал оправдываться: - В смешанных парах это часто бывает. Иначе, знаешь ли, думаешь не о том, чтобы поддержка была чистой, а о том, где твоя рука. И она не железная. А так проблем нет...

- Ну, знаешь ли...

Геннадий был просто шокирован и сам себе удивлялся. Он не вчера родился, случилось и ему в молодые годы бывать в подобных ситуациях. Уж чья бы корова мычала... Откуда такой пыл?

Он встал.

- Гена, ты куда?

- Еще возьму пива.

- Правильно, тебе нужно охолонуть.

Геннадий «охолонул», принес пива и уже без ажиотажа спросил:

- Так вы с ней встречались?

- Представь себе, в городе нет. Ни-ни. Только как старший товарищ.

- Почему, она вроде бы того стоит...

- Вика девочка хорошая, но с прибабасами. Я из местечка, а она уже тогда считала себя суперинтеллектуалкой, неформалкой и эстеткой. Всем сразу. Очень продвинутая, а может даже сдвинутая... И компания у нее была такая, что я вообще не понимал, о чем они толкуют. Там хоть не все были в очках, но определенно все «очкарики». Ты меня понимаешь? Все не как у других. Нормальные книги для них примитив. Художники только... Ты слышал, куда она пошла? Посмотреть «сюр». Знаешь, что это такое?

- Что?

- Сюрреализм. Все у них сплошной «сюр». И она тоже «сюр». Ты же знаешь таких?

Геннадий таких знал. Тогда неформалов среди молодежи было хоть пруд пруди. Правда, не все из них были интеллектуалами...

Качок так увлекся темой, что уже не нуждался в наводящих вопросах. Рассказал, что все пошло у нее из семьи. Отец у Вики был бухгалтером, под каблуком у жены. Года три как помер. Мама ее – артистка погорелого театра, к тому же бывшая. Считает себя эстеткой. Так и говорит: «Мы, эстеты, считаем...» Или: «Мы, эстеты, не любим...» Курам на смех. А чего эстеты точно не любят – убирать. В квартире бардак, в мойке вечно грязная посуда, везде какие-то вещи валяются.

- Ты замечал, что у таких интеллектуалок часто в квартире конь не валялся? Они выше этого.

Геннадий замечал.

- Я Вику спрашивал: «Ты всегда такая аккуратная и чистенькая, а она такая, - как ты можешь жить в бардаке?» Знаешь, что она ответила?

- Ну?

- «У меня будет уборщица, это ее забота». Это точно, сейчас у нее уборщица будет. Митя не олигарх, но около этого.

Оказалось, что с будущим мужем, почти олигархом Митей, Вика раньше была в одной компании неформалов. Митя, лет на пять старше ее, тоже был «очкариком», но без очков. Потом он пошел в бизнес, переехал в Киев и стал почти нормальным, но все-таки у них с Викой осталось много общего. Они будут неплохой парой. Через месяц свадьба в Киеве – Геннадий это уже слышал, – и она переезжает к мужу.

- Где-то я ее видел, - задумался Геннадий.

- Я скажу где. Напротив твоего дома есть книжный магазин.

- Есть такой.

- Вика там была продавщицей, потом Митя ей этот магазин купил, и она теперь бизнесвумен. Кстати, не бездельница и свое дело любит...

Постепенно эта тема сошла на нет, а все остальные нам не интересны. Оставим их допивать пиво.

2.

Геннадий предпочитал ходить на работу пешком, хотя машина у него была. К этому времени многие имеющие постоянный доход уже обзавелись дешевыми подержанными европейскими машинами, которые буквально хлынули на украинский рынок. У нашего героя была модная и внешне еще приличная АУДИ. До «Морпроекта» было всего пятнадцать минут ходу, а до стоянки автомобиля немногим меньше. Бензин был дефицитом и стоил дорого. С парковкой возле организации вечно возникали проблемы. Кроме того, по городу не то что ездить – ходить стало небезопасно. Не просто разбитый асфальт, а ямы и перекаты, воронки, обрушиваются карнизы ... При новом мэре, бывшем секретаре обкома, город стал напоминать Мюнхен после бомбардировки американцами. Как можно было в короткие сроки так развалить город? Эти партийные боссы доказали, что в новых условиях работать не могут. Впрочем, работать они не умели и в старых, просто мы этого не понимали. Зато одну вещь они быстро освоили – воровать научились мгновенно...

И хотя престижней было бы выходить возле работы из солидной машины, выше перечисленные обстоятельства брали верх. Можно добавить еще один довод в пользу пешей прогулки – после работы была возможность зайти по дороге в кафе. Летом пиво (иногда с прицепом), зимой рюмочку-другую коньяку. Геннадий этими заходами не злоупотреблял, но при наличии приятной компании и не отказывался. Это было нерегулярно, всегда в пределах нормы, и Полина – отдадим ей должное - смотрела на периодические задержки мужа после работы с пониманием.

Итак, на следующее после нашего с ним знакомства утро Геннадий как обычно пешком отправился на работу. Ночь была жаркой, душной и влажной – можно еще добавить подобные определения - такое бывает в Одессе в первой половине августа. Тогда еще кондиционеры встречались не часто, даже вентиляторы из магазинов исчезли – раскупили. Окна повсюду и всю ночь раскрыты настежь, в них как привидения двигаются полуголые или даже голые жильцы, стонущие, громко вздыхающие или просто кряхтящие - в зависимости от возраста. Полина – спасибо ей – все-таки достала одноногий вентилятор-подхалим, но он скорей служил яблоком раздора. Всю ночь они переставляли его с места на место.

Да, случаются в Одессе такие ночи, хоть и не каждое лето. Тогда выдалась такая серия и продолжалась уже почти неделю. Спасение могло быть только у моря, на даче. У родителей Полины дача была, но на Каролино-Бугазе, прекрасной косе между морем и рекой. Увы, в 60-ти километрах от города. В пятницу Геннадий с семьей туда ездил. Но и пяти ночей в городе с лихвой хватало. Впрочем, метеосводка вроде бы обещала через день прекращение адской жары, но разве им можно верить? Что интересно – днем тоже было очень жарко, но даже на работе переносилось почему-то легче. А в кафе за кружкой холодного пива тем более.

Но пока даже утро не принесло облегчения – судя по всему будущие сутки будут не лучше.

Геннадий вышел из двора и поискал взглядом книжный магазин. Память ему не изменила – магазин со скромной вывеской «Книги» действительно был, почти напротив его парадного, через дорогу, рядом с автобусной остановкой. Он был пока закрыт и жалюзи опущены. Посмотрел Геннадий на магазин не случайно – всю ночь Вика-Виктория, которая была совершенно не в его вкусе, почему-то не выходила из головы. Он объяснил это тяжелой

жарой и отнес к ночным кошмарам. Тряхнул головой и переключился на созерцание окружающего мира.

Город явно нуждался в том, чтобы ему вернули прежнее очарование, или на худой конец, относительную чистоту. Утешало одно – девочки, как и всегда, смотрелись прекрасно. Вот эта, черненькая, с короткой стрижкой. И фигурка неплохая, но... простовата, Вика, нужно признать, рангом повыше. Опять двадцать пять! Что в этой Вике все-таки произвело на него впечатление? Если сделать вывод из рассказа Качка, то она из серии крученых-верченых с претензиями, самая нелюбимая Геннадием категория. И потом он любил фактурных, «берешь в руки – маешь вещь». Хотя Вика просто изящная, но не такая уж маленькая. Надо будет узнать у Качка ее рост, он должен знать. А заодно и вес. И как она в смысле... нет, это уж вообще ни к чему!

А проще всего сделать следующее – зайти в книжный магазин. Как обычный покупатель. Потом он сам удивится этому странному затмению. Зайти и разочароваться, хотя и сейчас об очаровании даже речи быть не может. Просто есть какая-то интрига. Интрига была, Геннадий это признал.

На работе бродили не выспавшиеся, с утра уже усталые помятые сотрудники, и особенного трудового подъема не наблюдалось. Тем более, что едва ли не половина была в отпусках. Геннадий не в первый раз пожалел, что уступил август своему начальнику и согласился на июль. «Уважь старика», а старик и без этого не слишком часто появлялся на работе, ему даже больничные старались не проставлять – «нагоняли» среднюю зарплату для пенсии, это было распространенным явлением. Приписывали какие-то премии, которые он потом возвращал наличными... Геннадий старался в этих комбинациях не участвовать. Впрочем, и июль на Бугазе был хорошим, в меру жарким, ночью относительно прохладным. Одна беда – за неделю работы эти золотые дни стали далеким воспоминанием.

День тянулся медленно, дел по сути не было, и Геннадий время от времени развлекался тем, что планировал посещение книжного магазина, расположенного на противоположной от его дома стороне улицы.

Ближе к концу дня к нему подошел Качок. Даже он не выглядел таким молодцеватым, как обычно.

- Есть предложение повторить вчерашний заход. Пару кружек пива и без всякого – упаси боже – прицепа.

- Ага, и сивку укатали крутые горки, – обычно Качок считал, что пиво без прицепа – деньги на ветер. - Извини, получается два раза подряд, Полина этого не любит. – И неожиданно для себя закончил: – Пойдем, жди у выхода.

Кажется, ему хотелось поговорить о Вике. А впрочем, что в этом плохого? Ну оригинальная, в конце концов... девица - Качок не любит слово «телка». Только разговор нужно завести невзначай, не стоит попадать ему на язык, остроумием потом не оберешься.

После работы к ним присоединился еще один постоянный «пивец» некто Роман. Они все трое закончили один институт – строительный, Качок на три года позже Геннадия, а Рома на четыре. Были из разных отделов, поэтому субординация общению за бокалом или рюмкой не мешала. Но на этот раз Геннадий был недоволен – при Романи разговор о Вике вроде бы был не к месту. Вопреки его опасениям все сложилось очень даже удачно. После первой кружки Геннадий спросил Рому, знает ли он, что Качок выступал с акробатическим этюдом, и вторая кружка прошла под нескончаемые воспоминания об этом событии. Качок с Викторией пару раз выступали со своим номером на институтских вечерах с большим, всенародным успехом. Рома все отлично помнил и до сих пор – уверял – был под впечатлением.

Конечно, и могучий Шварценеггер-Качок удостоился похвал с его стороны, но особые восторги выпали на долю Вики. Прекрасная фигурка, зрители ее называли статуэтка, она с необыкновенной легкостью и изяществом порхала над могучим Качком, казалась невесомой.

Тут обиженно вступил Качок и сказал, что эта воздушная Вика весила пятьдесят четыре килограмма и была метр пятьдесят восемь роста. Не такая уж невесомая. Он не отрицает ее природного изящества и техники – кстати, она в школе занималась гимнастикой, подавала надежды, но бросила это дело, чтобы не накачивать гимнастические плечи. И правильно сделала. До сих пор у нее фигура люкс. И все-таки в легкости исполнения большая заслуга нижнего...

Роман с этим не спорил и добавил красок в описание. Он сказал, что внешний контраст пары был им на пользу. Кстати, номер назывался «Красавица и чудовище». Качок демонстрировал мускулы и, как умел, строил жуткие рожи, а партнерша с успехом изображала невинность. Отличный был номер. Хотя Рома болтался как-то за кулисами и своими ушами слышал, как невинность устроила втык чудовищу за не очень удачную поддержку. Качок со вздохом признал, что характер у девочки был...

Удивительно, но восторги Романа были Геннадию как бальзам на сердце, как будто бы хвалили близкого ему человека. Он попытался убрать глуповатую улыбку с лица и придать ему скучающее выражение. Перестарался. Качок это заметил и сказал, что они с Романом утомили приятеля, который номера не видел, и поэтому ему эта тема не интересна. Геннадий вежливо протестовал. Хотя все равно к этому моменту вторая кружка уже была прикончена, пора было разбежаться. Приятели расплатились и распрощались.

Геннадий был доволен – он узнал о Вике все, что хотел, и даже намного больше. Интрига определенно нарастала. Он и до этого разговора собирался зайти в магазин, но сейчас получил дополнительный импульс и решил не откладывая, немедленно лично убедиться в том, что воспоминания Романа не преувеличение.

3.

Магазин, к счастью, еще работал. Как ни странно, открывая дверь, Геннадий почувствовал если не волнение, то возбуждение определенно. «Ще польска не згинела, - с одобрением подумал он, - не стареют душой ветераны».

Помещение оказалось солидным для книжного магазина – большая комната, и два окна все-таки давали недостаточно света, поэтому были включены люминесцентные лампы на потолке. Вдоль всего периметра проходы шириной около метра обеспечивали доступ к пяти или шести двусторонним стеллажам с книгами – немало. И еще справа на боковой стене висели картины, над ними еще один большой светильник. Все вместе выглядело необычно, как, подумал Геннадий, и сама хозяйка магазина. Но кажется, ее в наличии не было. В проходе между стеллажами маячил один покупатель. Слева в углу стоял кассовый столик с бордюриком, за ним сидела кассирша, а рядом, видимо, продавщица. Женщинам было лет по тридцать, отличались они тем, что одна была в очках, а другая без, но обе казались бывшими библиотекарями – есть такой тип женщин.

Геннадий сразу направился к картинам – покупать книги он, в принципе, не собирался. Картины отличались от тех, которые выставлялись художниками в городском саду, особенно ценой – раза в три-четыре дороже. Геннадий не слишком разбирался в живописи, но нетрудно было догадаться, что в большинстве из выставленных в магазине картин был какой-то «сюр», что-то отличавшее их от привычных пейзажей городского сада, оперного театра или маяка –

типичной продукции живописи для туристов. И в технике было что-то профессиональное, заметное даже такому дилетанту, каким справедливо считал себя Геннадий.

- Вас что-нибудь заинтересовало? – сзади неслышно подошла продавщица, та, которая в очках.

- Заинтересовало. Любой может сдать картину вам на продажу?

- Любой, но не любую картину.

- А кто это решает? - Геннадий понял, что таким образом выйдет на Вику. И точно.

- Хозяйка. Она в этом разбирается. Конечно, вместе с художником, или... тем, кто продает. Но сейчас ее нет. А вы хотите купить или продать?

Геннадий притормозил.

- Пока не решил. А когда будет хозяйка?

- Она обычно в это время бывает. Сегодня ушла пораньше...

Пора было заканчивать разговоры, не стоило привлекать слишком много внимания. Геннадий уже понимал, что на этом безрезультативном визите не остановится.

- Я собственно хотел посмотреть книги. Где у вас детективы?

Продавщица полностью утратила к нему интерес.

- Вот там, на втором стеллаже, - и пошла к новому покупателю. Ее спина красноречиво говорила: «Морочат голову...»

Геннадий долго не раздумывал, взял самую тонкую Маринину в мягкой обложке, заплатил кассирше без очков и вышел.

Был четверг. Завтра после работы они всей семьей, вместе с тестем и тещей едут на Бугаз. Очередной визит в магазин, таким образом, откладывается как минимум на три дня. И хорошо. Геннадий выбросил из головы уже надоевшие ему мысли о так и не состоявшемся приключении.

Но ночью Вика его снова посетила, правда ненадолго и только в одном эпизоде. Качок ее подбросил на сальто и с трудом поймал, а Геннадий переволновался, даже взмок. Взмок не во сне, а наяву. Может, из-за этого эпизода к концу рабочего дня он решил, что до понедельника долго ждать, а Вика в любое время может уехать в Киев... Словом, после работы он заскочил все-таки в магазин, но ее там опять не было. Продавщица в очках сказала, хотя он ни о чем ее не спрашивал:

- Только что уехала. Буквально несколько минут.

Геннадий не очень убедительно объяснил, что зашел купить книгу на выходные – и только. На сей раз он приобрел Устинову, потолще Марининой и немного дороже, но тоже в мягкой обложке. Потом пошел на стоянку за машиной и постарался избавиться от чувства неловкости - детский сад какой-то.

Через час они вместе с тестем и тещей уже ехали в направлении Бугаза.

3.

Вопреки ожиданиям, метеослужба на этот раз не ошиблась, в субботу жара спала, установилась обычная для первой половины августа приятная теплая погода. Дача тестя располагалась со стороны лимана, на море нужно было идти метров 300-400, но прогулка в купальниках только доставляла удовольствие. В девять утра они уже, как обычно, были на пляже. Тесть с тещей с ними не пошли. Они любили возиться на даче, купались в лимане. А Витька как привязанный крутился возле Полины. Геннадий был неплохим отцом, учил сына

плавать, иногда, чтобы дать отдохнуть жене, водил его в зоопарк. Но Витька был мамин сын, даже скорее маменькин сынок. Впрочем, это никого не расстраивало, вырастет – возмужает.

Геннадий залюбовался своей женой. Полина была в отличной форме, не располнела – только собиралась. Загорелая, крупная – настоящая женщина, не чета мосластым моделям. Светлые волосы, голубые глаза. Все при ней, и никаких излишеств. Когда она шла к воде, все мужчины, даже те, кто был при женах, смотрели ей вслед. Особое впечатление она производила на невысоких и не очень молодых смуглых мужчин южного происхождения – те просто выходили из себя. Искрили. Геннадий шутил, что он вынужден будет купить Полине пляжную паранджу, иначе когда-нибудь его разорвут на клочки.

Полина на свой успех не реагировала, ей это было безразлично. Единственное, что ей в такой ситуации нравилось, – Геннадий лишний раз осознавал, какая у него жена, а ему напоминать об этом было не лишне. Четыре года супружества, а до этого год практически совместной жизни притушили страсти, которых, честно говоря, было не так уж много. Полину это устраивало, она не была слишком темпераментной, разнообразия и приключений не жаждала. Гена и сын Витька – вот все, что ей было нужно. Но в последнее время не то чтобы охлаждение, скорее излишнее спокойствие мужа все-таки ее волновало. В некоторых вопросах она вынуждена была сама проявлять инициативу и догадывалась, что такое положение до добра не доведет. Раньше в таких случаях, как и положено, инициатива была за ним...

Но сегодня Полина была определенно в ударе, никакой скованности и тяжести в движениях, девичья легкость, даже кокетство, которым она Геннадия редко баловала. Это производило впечатление, и недавние попытки солидного женатого человека, как говорят в Одессе, найти на свою голову приключения сейчас вызывали только удивление. Все это было настолько несерьезно, что Геннадий даже решил кое-что рассказать жене. Разумеется, не о своих странных мыслях, а в общем.

- Ты знаешь, что Качок в институте выступал с акробатическим этюдом в филармонии, ездил со своей партнершей на гастроли. Она тогда только перешла в десятый класс. Говорят – Рома Фейгин говорит – был прекрасный номер. Назывался «Красавица и чудовище». Качок вчера, нет, позавчера, меня с ней познакомил. В кафе за пивом. Случайно встретились.

На Полину тоже произвел впечатление возраст гастролерши.

- Да, видно, девица из молодых, да ранних. Тем более в паре с таким кобелем, как Качок... Впрочем, это не наше дело.

Геннадий невольно поморщился, это была его привычная реакция на неприятное. Зря затеял разговор...

- Качок на чудовище потянет. А она действительно красавица?

- Как на чей вкус. Твой антипод. Смуглая, черная короткая стрижка и фигура по отношению к твоей в масштабе один к двум. Она хозяйка книжного магазина, того, что напротив нас. Помнишь?

- Помню. Давно хотела зайти...

- А я вчера заходил. Приличный магазин. И картины там есть на продажу.

- Надо зайти. Хочу купить в спальню что-то эротическое. – Она игриво подтолкнула Геннадия. – Чтобы ты не забывал свои обязанности. Зайдем вместе?

Это в его планы не входило.

- Там картины в несколько раз дороже, чем в горсаду. *Самашедшие* деньги.

- Ну ладно. Пойдем в горсад.

А Геннадий затих и задумался. Он о Вике рассказал, потому что действительно считал это чепухой, не заслуживающей внимания, или потому что хотелось о ней хоть с кем-то поговорить? Так и не пришел ни к какому выводу.

Суббота и воскресенье прошли как обычно. После пляжа обед, дальше послеобеденный сон. Кое-что нужно было сделать на даче. Потом снова пляж, вечерний, недолго, часа полтора. Затем Геннадий поехал в Шабо и привез трехлитровую банку хорошего вина, а тесть тем временем готовил шашлыки. По принятому распорядку женщин на даче не загружали.

Тесть Геннадия умел все. Он был невысокого роста, немного ниже довольно крупной и дородной жены, сухощавый, неопределенного возраста. Они с тещей вместе учились в школе, в институте, где на каком-то курсе и поженились. Даже работали в одной организации, она конструктором, он из конструкторов пробился в профсоюзное начальство. Вся жизнь вместе, едва ли не от рождения. Но тестю агавой-однолюбом стать так и не удалось. Он был бабником. Об этом знали многие, во всяком случае все соседи по даче – свои жигули и дачу он время от времени, и даже до сих пор, использовал в корыстных целях. Но ему это прощалось, во всяком случае общественностью, потому что он по совместительству был идеальным мужем. Он помогал жене во всем - убирать, готовить, не говоря уже о покупках в магазинах. Хотя еще не известно, кто кому помогал, потому что теща давно прихварывала. Он всегда сопровождал ее в поликлинику, и это вызывало умиление. Вечно возился с дочерью, пока Полина была маленькой. А женщины – что ж, одни любят футбол и рыбалку, он любил баб. Неэффектная внешность ему не мешала – если есть стремление, то всегда найдутся соучастники. Знала ли об этом теща? Наверно догадывалась, но вида не подавала. Да сейчас уже и смысла не было...

Накануне женитьбы Геннадий сказал Полине, что очень хотел бы знать, в кого она характером, внешне - было очевидно - в мать. Если характером в отца, то быть ему вечным рогаликом. Полина ответила, чтобы он не обольщался – если пойдет по стопам тестя, то она ему ноги переломает. Но пока у него ноги были целы - Полина все-таки, видимо, пошла в мать.

В воскресенье было все то же, но без шашлыка - часам к шести возвращались в город.

Геннадий наслаждался покоем и отличной погодой. Если иногда и приходили в голову дурные – по его определению – мысли, то он отмахивался от них, как от назойливой мухи. Ночи были не жаркие, воздух целебный - смешанный морской, речной и степной, никакие посторонние события и люди не снились. В понедельник была серьезная загрузка на работе – приехали крупные заказчики, совещания шли непрерывно. Все было нормально, пока Геннадий не поймал себя на том, что уже несколько раз смотрит на часы, с нетерпением ожидая окончания работы. Оказалось, что он, даже не посоветовавшись с самим собой, твердо решил пойти в книжный магазин.

4.

Пришлось оправдывать такое решение. Это было не трудно.

Геннадий был человеком практичным, замков воздушных никогда не строил, всегда твердо стоял на земле. Все-таки в любых действиях должен быть смысл и хотя бы теоретическая цель.

Шуры-муры с девицей двадцати пяти лет, которая через месяц, даже уже наверно меньше, должна выйти замуж за почти олигарха, да еще и близкого ей по духу человека, были не только абсурдно нереальны, но и противоестественны. В общем, они с разных планет, она

его без сомнения считает валенком, он ее свиристелкой с раздутым самомнением. Нужно просто в этом убедиться и закрыть занавес. Все. Финита ля комедия.

Он понимал, что третье подряд посещение магазина ставит его – мягко говоря – в глуповатое положение. Библиотекарши в очках и без очков уж наверняка перемывают ему косточки. Но возможно, это просто мнительность человека, который знает за собой грешок, а в действительности никто на него не обращает и не обратит никакого внимания, включая Вику, которой наверняка подобный бред даже в голову не придет.

После окончания работы Геннадий быстрым шагом направился в магазин. Вид у него был решительный и исполненный самоуважения. Хотя внутри сомнения были. На всякий случай надел темные очки – наверно, для маскировки. Удивительно, Геннадий был всегда уверен в себе в подобных случаях, мнение каких-то двух девиц неопределенного вида не должно было иметь для него никакого значения. И вообще во всей этой истории слишком много странного...

Как только он открыл дверь в магазин, то сразу понял – Вика здесь. Он узнал тонкий аромат духов, или может, хорошего мыла, а может...

При его появлении продавщица в очках встала, ушла за первый стеллаж, наверно – догадался Геннадий – там была подсобка, и почти сразу же появилась Вика. В руках у нее была какая-то книга. Геннадий с трудом перевел дыхание. «Какая нелепость, почему я дергаюсь? Детский сад!»

Сегодня она была другой. Начнем – в соответствии с привычками героя - снизу. Туфли были на каблуке, но не таком высоком и потолще. Довольно строгая темно-серая миди-юбка открывала ноги с гладкими икрами, как у молоденькой балерины, которая еще не успела их слишком перекачать. Красивые ноги, их даже жалко прятать в брюки. Геннадий особо отмечал женские ножки и знал, что икры, тем более красивые икры, встречаются не слишком часто. Дальше: миди-юбка не расклешенная, материал красиво ниспадал, не дешевый - и в результате то, что мы вынуждены были назвать попкой, по-прежнему впечатляло.

Светло-голубая кофта с кружевным воротничком дополняла ансамбль. Серьги на сей раз были небольшие, слезки. Словом это была деловая женщина, хотя, конечно же, далеко-далеко не синий чулок. «Молодец, - одобрил ее мысленно Геннадий, - прежде всего вумен, но в то же время и бизнес». С этого момента он понял, что визит пройдет не по задуманному сценарию.

Нижняя часть лица Вики слегка улыбалась, верхняя смотрела строго.

- Добрый день, Геннадий.

- Добрый день, Виктория.

Улыбка у Вики стала шире. Геннадий себя поздравил – она, несмотря на темные очки, узнала его, помнила не только, как зовут, но и их шутивную перепалку при знакомстве.

- Что-то вы к нам зачастили.

Геннадий изобразил недоумение.

- Мне Мила, - она кивнула в сторону продавщицы в очках, - сказала, что приходил несколько раз высокий блондин и спрашивал хозяйку. Я подумала, что Сережа вам сказал, где я работаю...

Ага, значит мысль, что он ищет встречи, все-таки ее посетила. Ну и ладно, в конце концов, это соответствовало действительности. Но тут, с другой стороны, не ясно... Геннадий читал детективную литературу, поэтому владел основами дедуктивного мышления.

- Пойдите, пойдите, почему вы решили, что это был я? Мало ли высоких блондинов?

- Не знаю, почему-то так подумала.

Вика немного смутилась. А может, тоже удивилась; скорее - последнее. Но Геннадий продолжил допрос по всем правилам детективной литературы.

- Кстати, не такой я высокий...

Вика одобрительно посмотрела на него снизу.

- Достаточно высокий.

- И не такой уж блондин.

- По нынешним временам блондин.

- Вот если бы Мила сказала, что пришел «высокий блондин в черном ботинке», это была бы точная информация.

Они оба рассмеялись, Геннадий с явным облегчением. Контакт был установлен. А если Вика думает, что он ее разыскивал – ну что ж, такие мысли, как правило, отношениям с женщинами не вредят. Правда, его новые настроения не были похожи на желание опустить занавес. Ладно, решил он, посмотрим.

- Так чем я могу помочь?

И Геннадий выдал домашнюю заготовку.

- Мы хотим купить картину в... гостиную. Сережа сказал – да я и сам вижу – вы в этом разбираетесь. Вот, хотел посоветоваться.

Они подошли к картинам, скрылись за стеллажом, и Геннадий перестал физически ощущать сверлящие взгляды в очках и без очков.

- Это не так просто. Нужно знать обстановку. Размеры комнаты, свет, мебель. Даже хорошая картина может выпасть из ансамбля. Тем более, если это декоративная живопись. И вкусы хозяев, склонность к абстракции...

Тут Вика заметила, что Геннадий тоже выпадает из рассуждений, и остановилась.

- А что делать?

- Решать самому. Я потом только смогу подсказать, картина качественная или халтура.

- Вика, скажи, почему они настолько дороже тех, что в горсаду? Потому что «сюр», как ты говорила в кафе. Помнишь?

Вика кивнула.

- Или они действительно настолько лучше?

Вика рассмеялась, и Геннадий заметил, что под суровыми бровями у нее веселые глаза. Просто нужно всмотреться.

- Конечно, лучше, но не только. Цена – это та же реклама. Смотри, если здесь повесить Модильяни и приклеить на картину цену сто гривен, то никто, кроме специалистов, не обратит на нее никакого внимания.

Потом Вика попыталась объяснить достоинства некоторых выставленных картин, но это в основном был «сюр», а Геннадий оказался достаточно неподготовленным ценителем. Она с трудом подбирала объяснения попроще, и это напрягало. Геннадий почувствовал, что с картинами пора заканчивать.

- Спасибо тебе, я не все понял, но... спасибо. Посоветуюсь дома, – он автоматически заменил жену абстрактным домом. – Теперь куплю что-нибудь почитать.

Он только сейчас заметил, что они перешли на «ты». Интересно, кто первый начал?

- Пожалуйста. Детективы там, на второй полке.

Геннадий неожиданно обиделся.

- Почему только детективы?

- Смотри, во-первых, мне Мила сказала, что ты их покупаешь. А во-вторых, - у Вики явно изменилось настроение, она устала быть вежливой, взгляд стал насмешливым и даже

высокомерным. Как при встрече в кафе. – А во-вторых, хороший продавец по виду должен определять вкусы покупателя.

- Значит, такой у меня вкус? И такой вид? - Геннадий хотел разозлиться, но... неожиданно для себя сдался. – Хорошо, покажи мне что-нибудь другое.

Взгляд у Вики стал еще более насмешливым. Даже саркастическим.

- Пошли.

Они зашли в один из проходов между стеллажами.

- Смотри, вот здесь у меня настоящий, как ты говоришь, «сюр». Лучшая в городе коллекция серьезной модернистской литературы. Даже из других городов приезжают.

Геннадий посмотрел на книгу, которая была в руках у Вики.

- А это что? Можно посмотреть?

- Это тоже «сюр», я хотела его сюда поставить, только сегодня приобрела.

Она с явным удовольствием передала книгу в золоченом твердом переплете Геннадию - ожидала продолжения шоу. И Геннадий ее не подвел.

- Аполлинер, - прочитал он. Тут бы ему промолчать, но упрямство подвело. – Кто-то из древних греков?

Вика прыснула, правда беззлобно, не ехидно. Ехидство бы Геннадий почувствовал.

- Не из древних и не из греков. А из почти современных французов. И между прочим, стопроцентный «сюр», отец «сюрреализма».

- Мало ли. Были же в древней Греции Архимед, Аристотель, - он покопался в памяти, - Аристофан, ну кто там еще? Аристид. Мог быть и, - он прочитал, - Аполлинер.

И вдруг неожиданно для Вики добродушно улыбнулся.

– Я сдаюсь.

Он вообще не любил злиться, а сейчас понял, что на нее тем более.

– Каждому свое. Я пошел за детективом.

Геннадий нашел отличный выход. Вика посмотрела на него с удивлением и симпатией. Даже покраснела.

- Хорошо. Ты, Гена, заходи. Чем смогу, помогу.

И неожиданно стала такой милой и близкой, что у Геннадия кровь прилила к голове, зашумело в ушах и... неудержимо захотелось ее обнять. Он сам испугался этого внезапного наваждения – иначе не назовешь. И Вика тоже почувствовала агрессию, изменилась в лице, отступила на шаг. К счастью, Геннадию удалось быстро овладеть собой, он даже попытался улыбнуться, и эту попытку вполне можно было считать удачной.

- Ну ладно, я пошел, - голос был какой-то хриплый.

Он прокашлялся и уже уверенней и вежливо сказал:

- Было очень приятно. Может, еще когда-нибудь встретимся.

Вика с облегчением подхватила:

- Конечно, гора с горой... И Сереже привет.

Они разошлись. Вика к кассе и за стеллаж, а Геннадий схватил какую-то тонкую и в мягкой обложке книжку, расплатился и с облегчением вышел на улицу. Не везет так не везет, это оказалась Донцова в мягкой обложке. До Донцовой Геннадий еще не снисходил...

Домой идти не хотелось. Сейчас ему нужно было, как говорил Качок, «охлануть». Геннадий решил пройтись, завернул в ближайшую тихую улицу и побрел, стараясь привести мысли в порядок. И прежде всего постарался подвести итог посещения книжного магазина. Удалось ему добиться намеченной цели? И да и нет. Да – в том смысле, что занавес опущен, комедия действительно окончена. Вику он больше видеть не будет. С этим все ясно. А почему

нет? На этот вопрос ответила паника, самая настоящая паника. Снова кровь прилила к голове, и шум в ушах. Он вдруг понял, насколько тяжело ему будет ее не видеть. И испугался, что за эти две короткие встречи сумел влюбиться в совершенно противоположанную ему телку, девицу, называйте, как хотите. В Вику. В Викторию. Он испугался, что это не вздорное временное увлечение, а что-то куда более сильное. Может, даже серьезное.

Теперь было самое время поиздеваться над собой и теми вольнолюбивыми взглядами, которые он всего несколько дней тому назад проповедовал Качку. Судя по всему его новое увлечение не принесет «последовательность прелестей», а как раз те неприятности, которые он накаркал для агавы-однолюба – безответное чувство.

Но может, Геннадий рано запаниковал? Сейчас XXI век, какие в наше практичное время могут быть бурные и неожиданные чувства? И у него возраст солидный, не юноша в расцвете лет. Впрочем, он и в юности никогда сильно не воспламенялся, даже иной раз эту уравновешенность ставил себе в вину. Но все-таки его опасения имели под собой основания – он понял, что то особое, странное, ни на что не похожее напряжение в груди, которое он сейчас испытывал, это и есть чувство. Плохо дело. Детский сад.

Геннадий бродил по улицам долго. «Охолонул». Решил не позориться – это самое главное, и постараться постепенно переболеть. Главное – никто ничего не должен заметить. Он справится, собственно другого выхода нет. Геннадий еще тогда не знал – хотя в глубине души подозревал – насколько это может быть трудно.

Дома он вел себя хорошо, спокойно, с удовольствием поцеловал Полину, даже прошептал ей на ушко что-то насчет грядущей ночи. Может, не так страшен черт, как его малюют? Но напряжение в груди, странное и необычное, не проходило.

4.

Прошла неделя. Снова работа, снова поездка на Бугаз. Равнодушно пройти мимо книжного магазина ему не удавалось. Через день-два он уже признался себе, что не скучает по Вике, а тоскует. Плохо. Ненормально. Геннадий был интеллигентным совком, Стефана Цвейга читал, и сразу назвал то, что с ним происходит, «амоком». Налетел откуда ни возьмись, мрачно иронизировал он, психически-физический сдвиг по фазе.

Из окна спальни были видны автобусная остановка и магазин. Геннадий после работы старался в спальню не заходить, даже пижаму вынес в гостиную. И все-таки пару раз умудрился заметить, что Вика стояла на остановке, потом села в какой-то автобус.

Наконец он не выдержал, испугался, что Вика вот-вот уедет в Киев, и сам напросился на пиво. К счастью, Роман был занят, они с Качком пошли вдвоем.

У Геннадия даже не хватило терпения дожидаться второй кружки. Начал с первой.

- Ты знаешь, по-моему, я видел твою Вику на автобусной остановке напротив моего дома. Кажется, это была она. Только не так лихо одета, как тогда, когда подошла к нам. У нее нет машины? Миллионер ей не подарил?

И тут же испугался, что она успела рассказать Качку о его заходах в магазин. То есть не то чтобы испугался, просто могло получиться неловко.

- Вика? Я с ней вчера виделся. Принесла приглашение на свадьбу.

Ну вот тебе и на, теперь придется объясняться.

- Есть у нее машина. Митя дал свою.

Нет, выходит, ничего не сказала. Интересно, почему...

- Но она ездить не любит, только если что-то перевозить нужно - книги, картины, такое прочее. Побывала, кажется, в двух авариях. Да еще по этим раздолбанным дорогам. Митя говорит, что она слишком темпераментна и витает в этих... забыл... на «э»...

- Эмпиреях, - Геннадий все-таки был городским.

- Да. А кстати, что это такое?

- Не от мира сего, примерно так. В облаках.

Они немного помолчали. Геннадий постарался сказать как можно безразличнее:

- А квартиру ей Митя тоже купил?

Безразлично не получилось. Качок с подозрением посмотрел на него, но все-таки ответил:

- Она живет с матерью, на Таирова.

- Ого, час езды. В часы пик.

- Слушай, друг любезный, а не собираешься ли ты затащить ее в постель?

Качок был по своему интеллигентным человеком и не любил пошлые определения, ругательства и грубости. Он мог бы сказать «трахнуть» или того пуще. Но сказал «затащить в постель».

Геннадий по одесской привычке, которую некоторые называют еврейской, ответил вопросом на вопрос:

- А такое возможно?

Качок ответил неожиданно серьезно:

- Теоретически «да». Вика девочка хорошая, но современная, и переспать для нее не вопрос жизни и смерти. Если кто-то нравится или условия такие бывают, сам знаешь. Это теоретически. А сейчас практически «нет».

Геннадий не спросил «почему», но Качок вопрос понял.

- Митя, свадьба через две недели и мы не в ее вкусе. Нам до эмпирей далеко.

Себя он добавил за компанию, чтобы подсластить пилюлю.

- Эмпиреев, - автоматически поправил Геннадий, но тему не продолжал.

Ситуация обострялась еще и тем, что Геннадий в городе остался один. Тесть и теща с понедельника были в отпуске и поехали на Бугаз. Заранее было решено, что они Витьку возьмут с собой, незачем ему париться в городе. Но маменькин сынок ехать без Полины отказался наотрез. Пришлось ей брать отпуск за свой счет. Ей дали – продавщицы были в дефиците. Он их сам в прошлую пятницу отвез с вещами и продуктами. Впрочем, может, это и к лучшему, теперь дома не приходилось изображать нормальное и безмятежное настроение.

Минуло еще пару дней. Геннадий никаких планов не строил, просто после работы прошел мимо своего парадного, пересек дорогу, зашел в садик по соседству, сел на скамейку лицом к остановке и стал ждать появления Вики. Это было глупо, детский сад. Хотя бы потому, что он не знал, в магазине ли она. И не знал, что делать дальше.

На сей раз ему повезло, а может, не повезло – спустя какое-то время она появилась. В той же рабочей униформе, только кофточка бежевая. Он встал, пристроился за будкой возле остановки. Вика пропустила пару автобусов, потом судя по всему, подошел ее номер, битком набитый. Она ловко обошла пару неповоротливых женщин и втиснулась через заднюю дверь. Геннадий за ней следом. Одну толстушку обогнал, другой позволил стать между ним и Викторией. Потом сзади добавилось еще немного народу, всех основательно сплюснули. Геннадий одной рукой крепко ухватился за поручень и не очень нежно, бедром оттер толстушку в сторону. Его

прижали к Вике, или Вику к нему, что одно и то же. Неожиданно Геннадий почувствовал удивительное спокойствие и уверенность, что поступает правильно.

- Добрый вечер, Вика.

Она вздрогнула, повернула голову, лицо было растерянным и каким-то беспомощным. Попыталась повернуться к нему, лицом было неловко – их слишком прижимали, спиной не лучше. Постаралась стать боком.

- Некомфортные условия.

Она растерянно молчала. До поручня было далеко, попыталась ухватиться за спинку ближнего сиденья. Рука соскальзывала...

Тогда Геннадий очень спокойно обнял Вику, просунув руку между ее спиной и чьей-то крупной и мягкой грудью. Слегка развернул ее этой же рукой лицом к себе, еще чуть-чуть прижал. Она вздохнула и... прислонила голову к его груди. В правой руке у нее была сумочка, а левой, свободной Вика спустя какое-то время обхватила его за талию.

Геннадий почувствовал, что они оба отключились. Сейчас они были не в автобусе, а... в эмпиреях.

Постепенно пассажиры рассасывались, выходили на остановках. В салоне стало свободно, но они продолжали в том же положении слегка раскачиваться на поручне. Никто на них внимания не обращал, едут люди в обнимку, так им хочется. Сейчас этим удивить трудно. Правда, Геннадий заметил где-то знакомую физиономию, но ему было не до того. Потом физиономия исчезла, наверно сошла на одной из остановок.

Наконец Вика вздохнула и сказала:

- Мне выходить.

Они вышли, постояли, помолчали. Геннадий не знал, о чем говорить. Вика совершенно поникла, был такой контраст с ее обычно вызывающе самоуверенным видом, что Геннадий почувствовал себя виноватым.

- Извини. Я старался, но не мог с собой справиться. Это было не в моих силах. Навалилось.

- Знаю.

- Знаешь? Ты знаешь?

Вика говорила тихо, как бы про себя, и Геннадий вынужден был наклониться к ней.

- Я чувствовала, что ты меня ищешь. Знала, чем кончится. Нужно было уехать в Киев. Не смогла. Вот дура. Все это ужасно. И глупо. И совсем ни к чему... Ну, я пошла.

- Я провожу?

Вика кивнула. Они шли молча. По дороге Геннадий попросил:

- Дай мне твой мобильный.

Вика без колебаний ему продиктовала. Он на ходу записал в свой телефон, позвонил. Из сумочки Вики послышалась мелодия. Связь есть.

Вошли внутрь какого-то микрорайона. Там была узкая дорога, которая вела к домам. Слева садик с детской площадкой, хилые кустики, парочка скамеек.

- Мне сюда.

Геннадий понял, что ему дальше идти не стоит. Огляделся, постарался запомнить - садик, скамейки. Кисло усмехнулся – удобное место для слезки.

Вика была совсем растеряна. Посмотрела на него, потом немного приободрилась и сказала:

- Будем надеяться, что это не серьезно. Выброс. Закидон. Глюки. Нельзя, чтобы это мне всю жизнь поломало. Я пошла. Нужно это дело переспать. Утро вечера мудренее.

- Завтра пятница, я еду на Бугаз на выходные.

- Почему «я»? Без семьи?

- Жена и сын там отдыхают на даче, - поставил все точки над «i» Геннадий. Вика на состав семьи не отреагировала, ее это не удивило.

- Тем лучше, есть три дня на обдумывание. Хорошо. Очень хорошо.

Но глаза ее не подтверждали, что все так хорошо.

Геннадий взял ее за плечи, на мгновение прижал к себе, а может, она прижалась к нему.

- Вика, я это называю «амок».

Она резко выпрямилась.

- И ты тоже? Совсем сбрендили. Вот уже и телепатия началась.

И они неожиданно для себя засмеялись. Оба. Сначала потихоньку, потом громче. Глаза у Вики заблестели.

- Все, Гена, на этой жизнерадостной ноте давай разбежаться. Определенно это дело нужно переспать.

Она повернулась и пошла к ближайшему парадному. Походка была точно такая, как та, которая произвела на него впечатление тогда, когда они еще не были знакомы.

Геннадий не знал, сколько времени он стоял посреди дороги. Наверно, долго, пока какая-то старушка не зацепила его сумкой и сообщила, что он не столб. Тогда он повернул назад и пошел к остановке. В голове был полный сумбур. У нее тоже «амок»!- главное, совершенно невероятное и неожиданное открытие! То есть все-таки теория «последовательных прелестей» оказалась и в этом случае верной, просто все случившееся намного сильнее и значительнее. Не какие-то там прелести, а потрясение. Как там у него было? «Кажется, она мне нравится» почти мгновенно превратилось в «я ее люблю, и не просто люблю, а тоскую». Дальше вроде бы так: «сомнения и неуверенность, а как она относится ко мне?», - вместо этого была абсолютная уверенность, что никак не относится, и ощущение, что тебя поджаривают на сковороде. Сейчас наступила стадия: «боже, она меня любит!», и это прекрасно! Но нельзя ли поменьше страстей? Все эти эмоции были слишком необычными для темперамента Геннадия, какими-то шекспировскими. Быть или не быть! Вот и сейчас огромная радость одновременно чем-то похожа на облегчение, уж слишком все предыдущие стадии заставляли Геннадия переживать – он просто по-мужски не хотел употреблять слово страдать.

И еще одно ограничивало радость – да, это поистине дар божий, но что дальше с этим даром делать? Такая мысль не могла не появиться. Если бы Вика была свободным человеком или даже мужней женой, то решения такой несложной задачи в принципе давно известны. И самому Геннадию уже приходилось решать подобные. Но чувства к Вике у него были сильные, она уже стала для него близким человеком, с ней шаблонные пути невозможны. У нее особое положение. Она должна очень хорошо выйти замуж за близкого ей и обеспеченного человека. А сам Геннадий может только все разрушить. Или отойти в сторону. Другого варианта нет. Да, он испытывает совершенно необъяснимые и сильные чувства к человеку, которого видел - и то почти мельком - всего три раза. Только три раза! Поэтому его семейное положение, как жена Цезаря, были вне подозрений и сомнений. Даже намек в голове у Геннадия не возникало, и возникнуть не могло. Значит, скорей всего придется отойти. Но одна мысль об этом вызывает панику. Да и смогут ли два человека, охваченных «амок», противиться чувству?

К удивлению соседей по автобусу, Геннадий довольно громко запел:

«С любовью справлюсь я одна,
А вместе нам не справиться!»

Наверняка решили, что он выпивши.

Это навело Геннадия на разумную мысль – во всех случаях у него сегодня большой, настоящий праздник. Праздник не под водку, не под пиво. Он сошел с автобуса возле своего дома, зашел в ближайший гастроном, купил самое дорогое шампанское – в качестве он не разбирался, ориентировался по цене, – две плитки шоколада и персики. Дома взял из буфета самый роскошный фужер и стал красиво праздновать. На половине бутылки он пришел к очень разумному выводу – прежде всего нужно дать себе отдохнуть, просто порадоваться и расслабиться. Любовь Вики это во всех случаях счастье, каким бы несчастьем оно не закончилось. Дальше видно будет.

5.

Шампанское и разумные решения подействовали благотворно – ночь он проспал как младенец, утром, умываясь и бреясь, что-то мурлыкал. По дороге на работу без напряжения, наоборот - с симпатией посмотрел на закрытый книжный магазин. Даже грешным делом у него мелькнула мысль: а не преувеличил ли он страсти-мордасти? Но тогда откуда это переполняющее его прекрасное настроение? Как у безнадежно больного, который узнал, что медики ошиблись и он «практически здоров». А хотел бы он стать в таком смысле «практически здоровым»? И при одной этой мысли почувствовал пустоту внутри, абсолютный вакуум. Нет уж, пусть будет, как будет...

На работе тоже обратили внимание на его отличное настроение – последнее время он был мрачноват и не слишком внимателен. А Качок при встрече сказал:

- Ну, Гена, ты сегодня сияешь, как медный... - и, как это часто с ним бывало, забыл продолжение. Он любил такого типа изречения, но часто помнил только первую половину.

- Грош... нет, пятак...нет, самовар...

- Таз, - подсказал ему Геннадий, он был слишком благодушно настроен, чтобы позволить человеку мучиться.

В таком же лучезарном настроении, свободный от всяких страхов и комплексов он приехал на Бугаз. Был внимателен к Полине, терпеливо сносил бесконечные плаксивые ма-а-а, ма-а-а Витьки. Потрепал его по голове и сказал:

- Когда же ты станешь мужиком?

- Станет, станет, - успокоила его Полина.

В субботу солнце было как раз в меру горячее, вода в меру прохладная. Вечером он взял бутылку и поехал в Шабо за вином. А посреди дороги у него наступил не просто рецидив болезни, а сильнейший приступ. Криз. Неожиданно. Как-то само собой всплыло опасение, даже уверенность, что Вика испугалась и от греха подальше уехала в Киев. Он понимал, что если она так поступила, то это вполне разумно, так будет безопаснее для них обоих. И она действительно не может из-за глюков рисковать своей будущей жизнью. Но тогда он ее больше не увидит. И его – уже в который раз за последнее время - охватила паника. Кажется, паника становится основной реакцией на любую возможность стать «практически здоровым». Снова кровь прилила к голове, снова шум в ушах и в дополнение к знакомым симптомам сдавило горло.

Геннадию стало стыдно перед самим собой за такое очень несвойственное ему истеричное поведение. Но болезнь есть болезнь, даже если она носит психический характер. И все-таки самоирония в какой-то мере помогла, он взял себя в руки – нельзя, чтобы домашние заметили его состояние.

Он попытался позвонить Вике, хотя знал, что находится вне зоны действия мобильного телефона; естественно, ничего не вышло. Купил вино, а на обратном пути перед последним поворотом к даче остановился и как следует отхлебнул прямо из бутылки, даже не почувствовав вкуса. Наверно, отхлебнул стакана два. Потом немного посидел в машине, дождался наступления эйфории. Полегчало. И подъехал к даче. Старался держаться от всех на расстоянии, но никто к нему не принимался.

Сказал, естественно, что плохо себя чувствует, вероятно перегрелся. Полина разволновалась, предложила поехать с ним в город. Еле остановил...

Еще сутки его поджаривали на сковороде, и при этом приходилось делать вид, что все в порядке. Но всему приходит конец, закончились и эти выходные. Часов в шесть, сразу же на въезде в город Геннадий припарковался и позвонил Вике.

Вика ответила.

- Да, Гена.

- Ты в Одессе?

После паузы:

- Да, в Одессе.

У Геннадия вспыхнула злость на себя, на Вику, на весь свет! Но тут же сменилась облегчением.

- Фу-ты ну-ты!

Вика не переспросила, что это значит. Наверно, поняла. Ее голос тоже был какой-то нервный и беспокойный. Геннадий предложил встретиться.

- Что-то случилось?

Он промолчал. Она не переспрашивала.

Сегодня она идет на именины. Пусть подождет ее возле дома часов в десять.

- Не прощаюсь, - сказал Геннадий.

Они отключились.

С этим нужно что-то делать!.. Сколько можно из огня да в полымя?! Но в то же время он отчетливо понимал, что ничего сделать не может. Кто-то или что-то связало его по рукам и ногам. Это уже не детский сад!

Он с трудом нашел Викин район и садик, хорошо, что выехал заблаговременно. В десять часов вечера Геннадий сидел на одной из скамеек, которые заметил, когда провожал ее домой. Машину припарковал, но в кабине сидеть не хотелось, немного пахло бензином. Почти все лампы, естественно, не горели, был приятный полусумрак. Тепло. Пешеходов почти не было – в то время поздно ходить опасались. Все это оказалось кстати, потому что ждать пришлось долго, как минимум минут двадцать. Звонить Геннадий не собирался, не солидно. Наконец к ее парадному подъехала машина. Вышла Вика и два парня. Они с Викторией расцеловались, сели в машину и укатили. Геннадий вспомнил Качка, кажется, оба парня были в очках. Вика вошла в парадное, но когда машина уехала, появилась на улице. Геннадий встал со скамейки, негромко ее позвал и пошел навстречу. Она была одета так же, как во время их первого знакомства, начиная с туфель на шпильках и далее, плюс легкая незастегнутая кофточка. Цвета ее Геннадий не различил – было довольно темно. Но то, что Вика очень хороша, рассмотрел...

Они обнялись – не поцеловались. Потом вернулись к скамейке и сели. Геннадий обнял ее за плечи, она сразу как-то очень удобно устроилась у него под мышкой, голова ее оказалась на груди у Геннадия, где-то под подбородком. Одной рукой обняла его за поясницу, во второй была сумочка.

- Как в автобусе. Мы уже обзаводимся привычками. Ну что там у тебя стряслось?

- Сейчас расскажу. Обхохочешься. – Геннадий был одесситом, поэтому даже о серьезных вещах не мог говорить без доли иронии. Это не были попытки острить, в чем часто обвиняют одесситов, скорее манера, что-то вроде своеобразного акцента. А может, боязнь патетики или мелодрамы...

– Все было отлично, я в четверг отпраздновал наш обоюдный «амок» с шампанским и персиками. - Вика поняла, что он имел в виду, и прижалась к нему немного сильнее. – И все было отлично. Когда вдруг в субботу вечером мне взбрело в голову, что ты уехала в Киев и что я тебя больше не увижу. После этого я стал,.. - он попытался уйти от пафоса, - закипать. И кипел, пока не смог тебе позвонить.

Он крепко прижал Вику к себе.

- Осторожно, ломаешь. Смотри, теперь я расскажу еще смешнее. Готовься хохотать как зарезанный, - Вика тоже была одесситкой. – В субботу вечером я решила уехать в Киев. Собрала вещи. И стала ждать звонка. – Геннадий сжал ее так, как будто боялся, что она исчезнет.

Вика даже охнула и продолжала:

- Митя позвонил часов в шесть – он всегда в это время звонит, - Геннадий слегка ослабил объятия, зато Вика прижалась сильнее. – И тут я поняла, что уехать, не поговорив с тобой, не могу.

Геннадий был просто огорошен услышанным. Совпадением по времени, и не только этим. Хохотать он определенно не собирался.

- Да, что-то нас связало не на шутку. Это даже не телепатия, а черт знает что...

Он с трудом приходил в себя.

- Качок говорит, что ты большая интеллектуалка.

- Да, - с одесской скромностью подтвердила Вика.

- Скажи, что это за сила такая, которая толкает людей друг к другу, не спросив их согласия... Может, инопланетяне?

- Наверно. И они не считаются с обстоятельствами. Даже с тем, подходят ли люди один другому...

На последних словах Вики Геннадий поморщился, но... ведь он и сам так думал.

Наступило молчание. Геннадий наклонился и поцеловал Вику в шею. Поцелуй оказался долгим – он давно хотел это сделать.

- Вика, давай сейчас не будем ни о чем говорить. Я боюсь наших разговоров. Вряд ли они закончатся чем-то хорошим. Так все складывается. Больше всего на свете я хотел бы сказать, что никому тебя не отдам. Но... давай сегодня помолчим.

- Хорошо, - согласилась Вика. - Поговорим завтра. Эмоции эмоциями, но пора и познакомиться друг с другом.

Они действительно больше в этот вечер ни о чем не говорили. Оставим их в покое...

6.

На следующий день после работы они приехали в район Аркадии знакомиться. Почему Аркадия – там были в основном приезжие, отдыхающие, и было меньше шансов встретить знакомых. Обоим было что терять. Правда, один раз они умудрились проехать через весь город в обнимку в автобусе, но на такое можно было пойти только в состоянии аффекта. По предложению Геннадия, выбрали довольно приличный, сохранившийся еще с советских времен ресторан при гостинице, одесситы его почему-то вниманием не баловали. А Геннадий изредка посещал, когда не хотел встретить знакомых. Как я уже раньше говорил, это с ним не часто, но бывало.

Оба приехали на такси по понятным причинам – не стоило «быть за рулем». Геннадий, естественно, приехал немного раньше. Когда из машины вышла Вика, он ахнул. Ей снова удалось его удивить. На этот раз на ней было темно-красное приталенное платье... Я не продолжу описание, и так меня уже, наверно, обвиняют в том, что злоупотребляю восторгами, а некоторые даже считают это своеобразной клубничкой. Сошлюсь просто на Геннадия. Он сказал:

- Ты решила меня доконать?

Вика окинула его взглядом – светло-серый костюм, легкий, импортный, черная рубашка, светлые волосы...

- Ты мне тоже подходишь...

Обнялись без поцелуя – в порядке поддержания традиций. В вестибюле ресторана было большое зеркало. Вика посмотрела на себя, что-то поправила, а Геннадий окинул взглядом всю картину. Странно, но они тоже хорошо смотрелись вместе. Только иначе, чем с Полиной. Сочетание контраста. Каждый из них оттенял достоинства другого, а вместе это была пара.

Они заняли излюбленный Геннадием столик у окна в углу. Зал был почти пуст – понедельник, день тяжелый. К ним сразу же подошел официант, разбитной, слегка нагловатый молодой человек, и поздоровался довольно фамильярно, как со старым клиентом. Он почему-то помнил Геннадия и демонстративно благоволил к нему, хотя тот посещал это заведение не чаще, чем пару раз в году. Впрочем, за это благоволение Геннадий расплачивался двойными чаевыми. Скорей всего это было просто профессиональной уловкой. У официанта их был целый набор. Например, сейчас - когда Вика отвернулась – он в восторге закатил глаза, и Геннадий тут же мысленно утроил его гонорар.

Вика все заметила и поняла.

- Мог бы выбрать нехоженые тропы.

Геннадий смутился и в оправдание тут же предложил пить только шампанское.

- Я после прошлого четверга втянулся и теперь водку проклятую, тем более с пивом на дух не переносу.

Он был прощен. Заказал – по его мнению – аристократический стол, с икрой, котлетами по-киевски и все такое прочее. На пол месячной зарплаты.

Когда официант принес закуски и разлил по фужерам шампанское, они чокнулись за «амок».

- Ну что, Вика, будем заполнять анкету?

- Не валяй дурака. Давай просто пообщаемся, как нормальные люди. А то у нас не было времени и двух слов связать. Сплошной форс-мажор. Смотри, я действительно хочу просто спокойно с тобой посидеть, поговорить. Никуда не мчаться, ни от кого не скрываться...

Она была права. Геннадий расслабился, уселся поудобней в кресле, это совпадало и с его желанием – они были вместе, никто никуда не убежал, спокойствие после двух недель непрерывного стресса...

Еще выпили, на сей раз за Вику...

И часа не прошло, как они убедились в том, о чем и раньше догадывались – разговор не получался. Качок ничего не преувеличил. Общих тем – кроме погоды – у них не было. Могли еще поговорить о здоровье, но, учитывая возраст, эти вопросы не подымались. Даже о политике не могли говорить спокойно. Геннадий был типичным инженерным совслужащим. Когда он начинал трудовую жизнь при советской власти, то был не хуже других. Тогда считаться не хуже других, особенно после института, было не трудно. Этим и сильна в воспоминаниях советская власть - иллюзией равенства. После перестройки он определенно выпал в осадок вместе со своим проектным институтом и убогой зарплатой. Поэтому Геннадий не мог не говорить о том, что раньше было много хорошего и что не надо все перечеркивать. Прозападная Вика слышать такую – по ее словам - чушь не могла и тут же предложила закрыть эту тему навечно.

А в остальном... Все, что читал, что смотрел и слушал, чем вообще интересовался Геннадий, ей казалось допотопным и скучным. И говорить об этом не стоило. А то, что читала, слушала, смотрела, чем интересовалась она, было для Геннадия скрыто за семью печатями. Качок был определенно прав, Геннадий, как и он, даже не всегда понимал, о чем она говорит. Оказалось, у нее был молодежный сленг, непонятные ему определения, которыми пользуются продвинутые люди, в том числе компьютерщики. Чтобы было яснее, представьте себе, что вы, люди старшего поколения, разговариваете со своей компьютеризированной, выращенной не на совковой культуре молодежью. Долго ли вы сможете с ними общаться? Как быстро они потеряют интерес к вашим сентенциям? Старшее поколение утешает себя тем, что они якобы не знают основ, что это какая-то субкультура, ни на чем не базирующаяся. Может быть, так и бывает. Но даже такая точка зрения не могла относиться к Вике. Она совковую культуру прошла и забыла за ненужностью. Несмотря на небольшую разницу в возрасте, они с Геннадием оказались в разных поколениях.

Причем он был обычным, не слишком продвинутым совком, а она во всем, что касалось новой культуры, была крайней экстремисткой. Во всем – в литературе, в живописи, в музыке. В первую очередь в литературе. Я даже не говорю о Кафке, которым пугают рядового читателя, как детей пугают привидениями, но человек, который не просто читает, а читает с интересом «Улисса» Джемса Джойса, создан и повернут как-то иначе. У него психика другая. И предпочтения. На Геннадия обрушилось: «поток жизни, использование иллюзий и парадоксальных сочетаний форм, изоморфизм двух структур — структур человеческих и структур эстетических...» Он ничего из этого не понял. Наверно, сжалившись, Вика объяснила попроще:

- Я не люблю простую повествовательную манеру изложения, даже если она талантливая. Мне неинтересно читать еще одну житейскую историю, если там нет чего-нибудь нового и современного.

- Сюра?

- Да, сюра, - вызываяще ответила она.

Когда они почти в молчании доели котлеты по-киевски и ожидали мороженое, решительная Вика набралась смелости и произнесла монолог:

- Смотри. Я хочу сказать честно, что я думаю. И в этом нет ничего для тебя обидного. И для меня. Люди бывают разные. Я двадцать пять часов в сутки занимаюсь культурой и Интернетом, в этом моя жизнь. Причем особенно модерном, так, наверно, я устроена. Вы правы, когда говорите неформалка, сдвинутая. Но не вообще сдвинутая, а в этом направлении.

О книгах ты знаешь. И друзья у меня такие. Мы в Интернете ищем новые записи, новые группы, новых исполнителей, и старую забытую музыку, барокко. Мы обмениваемся записями. И фильмами, я триллеры и бытовуху не смотрю. И в друзьях у меня художники новой школы. В этом моя жизнь. Понимаешь?

В это время принесли мороженое. Геннадий разлил в фужеры остатки шампанского.

- Давай подсластим твой монолог. Тем более ничего нового ты не сказала. Просто я не думал, что до такой степени... трудно тебя понять, - продолжил он, хотя давно все стало ясно.

Вика продолжала себя взвинчивать.

- Почему трудно меня понять? Совсем не трудно. Просто смотря кому. Мы с Митей можем всю ночь напролет проговорить, и он меня понимает.

Это замечание было лишним.

- Ночью неплохо бы заниматься чем-нибудь другим, - усмехнулся Геннадий. Чем больше Вика распялялась, тем больше он приходил в себя и обретал равновесие. – Только зачем, если все так ясно, было это свидание?

Но она уже закусила удила.

- Я сделала это сознательно. Не хотела, чтобы ты мешал Мите. Где-то внутри меня.

Может быть, Вика была умнее, экстравагантней, но Геннадий старше, сдержанней и опытнее. И он был хорошим человеком.

- Вика, даже ради Мити не стоит говорить друг другу неприятные вещи. С нами случилось что-то необычное, и не нужно оставлять оскомину. Успокойся. Выпьем за тебя. Пусть у вас будет все хорошо.

Как в книжном магазине, Геннадий снова нашел нужные слова и снова ее обезоружил. От экспрессии она мгновенно перешла к минору, и даже на глазах появились – или чуть не появились - слезы. Все-таки это ей давалось нелегко. Они молча доели мороженое, Геннадий расплатился, дал нормальные, одинарные чаевые – не было повода для радости. На улице он остановил частника. Обниматься не стали, на этот раз он поцеловал ее по-братски в щеку. Машина уехала. Геннадий посмотрел на часы – последнее свидание не продолжалось и двух часов. Тоже в режиме форс-мажор.

7.

Финал романтической истории Геннадий перенес относительно легко, даже сам этому удивился. Конечно, уязвленное самолюбие сыграло в этом относительно спокойствии свою роль, но с другой стороны оно было не настолько болезненным, чтобы заикнуться на обиде. В принципе он не привык себя считать хуже других, не комплексовал и знал, что в своей среде считался толковым человеком, а в глазах Полины даже удивительно умным. Поэтому особого унижения не чувствовал, а это – поверьте – очень важно. Унижение только бередит раны. Иначе говоря, самолюбие было уязвлено, но не чрезмерно.

Кроме того, он не мог в глубине души не признавать, что такой вариант скорее всего к лучшему. Все раньше или позже примерно так и должно было закончиться. Тем более, что брать на себя ответственность за судьбу Вики он не решался, это было бы просто нечестно. Предложить ей было нечего.

Итак, к своему удовольствию Геннадий убедился, что остался здоровым и уравновешенным человеком. А то, что он оказался способным на такие неожиданно сильные и

неконтролируемые чувства, было просто прекрасно. И в памяти это останется как самый яркий период его стабильной, может даже слишком стабильной жизни.

Вика его не оскорбила, не обидела – разве что чуть-чуть. Просто сказала, что они слишком разные. Не назвала его валенком, хотя смысл был примерно такой. Она прекрасная девочка, но определения, которые он в самом начале дал ей и себе, во многом сохранились, хотя в смягченном виде – она все-таки немножко свиристелка и со слегка раздутым самомнением. А он валенок, во всяком случае по сравнению с ней. И за это ей тоже спасибо. Геннадий признал, что последние годы успокоился, затих и стал заметно отставать от жизни. Все у него шло по накатанной – поступил в «Морпроект», стал расти не только за счет своих способностей и энергии, а во многом за счет того, что толковые и – как сейчас говорят – креативные уходили из этой заводи, освобождая место другим.

Нужно, решил Геннадий, купить наконец компьютер, давно собирался, поставить Интернет, перестать читать одни сплошные детективы. Надо шевелиться – и мысленно поблагодарил Вику за это свое намерение. Оставалось его выполнить...

Нельзя сказать, что все сразу как рукой сняло. Хоть напряжение в груди, сердце и голове почти прошло, но очаги боли – он это чувствовал – еще остались. Ничего, рассосется, останутся только хорошие воспоминания.

Вернулся интерес к работе, который у него во время передрыг почти пропал. В пятницу он с удовольствием и так сказать с чистым сердцем поехал к семье на Бугаз, закупил не только продукты, но и подарки жене и сыну – мелочь, но приятно. Уговорил Полину купить компьютер, что было нелегко – она хотела в спальню второй телевизор. Он обещал, что освободит телевизор в гостиной, если у него будет Интернет.

Всю следующую неделю покупал компьютер, налаживал его – с помощью специалистов, сам в этом почти не разбирался. Подключил Интернет. А тут подошли следующие выходные, и он поехал забирать Полину и Витьку домой. Их купальный сезон закончился. И почти не отреагировал на то, что Качок в эту же пятницу уехал в Киев на свадьбу Вики. Нового в этом ничего не было, все было известно давно.

Правда, на Бугазе с Геннадием случилось ЧП. В субботу он, как обычно, поехал с бутылкой в Шабо. Там знакомый продавец, частник, толстяк с лицом неизвестной национальности, предложил ему отличную чачу, «как слеза», порция всего десять гривен. Геннадий сказал, что он за рулем, а автоинспекторов в субботу больше, чем автомобилистов. Толстяк возразил, что у него есть уксусные орешки, никто ничего не унюхает. Может быть, Геннадий позавидовал Качку, который сейчас купается в коньяках и закусывает черной икрой, а может, по какой другой причине, но он неожиданно для себя согласился. Порция была, как выяснилось, солидная – целый стакан. А уксусные орешки оказались мускатными. Направляясь к машине, Геннадий обозвал себя дураком. Но, как известно, дуракам везет, и его никто по дороге не остановил. А на повороте к даче, чтобы отбить сильный запах муската, он прилично пригубил прямо из бутылки. После чего на очередном повороте чуть не врезался в забор. Довольно быстро он стал «хорош». Никто из присутствующих не помнил, чтобы он так набирался. Воскресенье, конечно, было испорчено, но к вечеру Геннадий очухался, пришел в норму и благополучно перевез Полину с ребенком домой. Тесть с тещей еще на неделю остались на даче.

В понедельник Качок полдня просидел у него в кабинете и делился восторженными воспоминаниями о богатой свадьбе – живут же люди! Оказывается, Митя подарил Вике большой магазин, первый этаж – книги, второй – картины.

- И назвал, знаешь, как назвал магазин? Виктория. Ты обратил внимание, богатые не называют свои магазины, фирмы и такое прочее именами жен. Догадываешься почему? Когда они разведутся и поменяют старых жен на молоденьких, придется вывеску менять. Но с Викой такого не случится. Митя ее очень любит. А главное, он ее понимает. Это не каждому дано, поверь мне, я Вику знаю...

Геннадий поверил.

Качок еще долго восторгался выпивкой-закуской, их новой квартирой в центре Киева. К своему удивлению, Геннадий выслушивал это с вежливым интересом, не более. Так ему казалось, так, наверно, и было. Однако один момент в рассказе Качка его заинтересовал.

- Все-таки странная Вика девочка. Я был уверен, она давно забыла, что я сделал из нее женщину, - Геннадий поморщился, - но, кажется, нет. Она то смотрела на меня, как на врага, с ненавистью, то таскала за собой, как лучшего друга, то в жар, то в холод...

Качок еще продолжал эту тему, но Геннадий не слушал. Он понял, что их с Викой роман не прошел для нее бесследно. Что ж, он оказался, судя по всему, более благоразумным.

Жизнь в доме Геннадия возвращалась в обычное русло. Полина пошла на работу, Витька в садик, теща – спасибо ей – всегда была на подхвате. Кончился летний сезон. Сентябрь в Одессе еще веселый и ласковый, а октябрь, особенно конец, очень даже осенний. Исчезли туристы и отдыхающие, вечером город пустел, боялись в темноте не столько бандитов, сколько разбитых и неосвещенных тротуаров и улиц. Время от времени шли дожди. Остро – как обычно – стоял вопрос начала отопительного сезона.

Пить пиво уже не было соблазна, а на коньяк переходить вроде рановато. Поэтому заходы Геннадия с друзьями в кафе временно прекратились. Зато освободилось дополнительное время для компьютера. Как пользователь он делал успехи и свободно рыскал в Интернете. Однажды он вызвал «Улисса» Джойса и попытался читать. Но текст на странице разбежался в разные стороны, он не мог его собрать, куски не стыковались. Смысл написанного – а он наверняка был, должен был быть – ускользал. Словом, он мысленно снял шляпу перед светлой памятью Вики.

Но где-то в конце октября Геннадий неожиданно загрустил. Ему стало скучно. Вместе с мрачнейшим октябрьским, а потом ноябрьским небом мир вокруг него стал терять краски. Дом, работа, работа, дом. Ему казалось, еще немного, и он начнет задаваться вопросом о смысле жизни. Это становилось похожим на депрессию.

К этому времени они с Качком и Романом уже перешли из открытой части кафе в помещение и от пива к одной-двум рюмкам коньяка. Обычно это происходило почему-то по средам. Инициатором был Качок. Он с утра обходил личный состав и спрашивал:

- Ну, как наши среды?

Наверно, чувствовал себя аристократом. «Наши среды!..»

Последнее время Геннадий на средах помалкивал, а иногда просто отключался. Это не прошло незамеченным. Однажды Качок возмутился:

- Что-то от тебя, Гена, толку нет. Молчишь, как... не помню, как кто. Словом, ни Богу свечка, ни черту... Постой, а что там черту-вилы? Нет... Палка? Шило?

- Кочерга, - подсказал Роман.

- Странно, на кой черт черту кочерга... А шило?

- Шило в бок.

- Кому в бок?

- Отстань. Тебе, если не замолчишь.

Геннадий расстроился – вот уже и народ стал замечать, что у него не все в порядке. Он пытался по-прежнему добродушно улыбаться, но сам чувствовал, что улыбка какая-то приклеенная, пришлось убрать. Уйма сил уходила на то, чтобы выглядеть как обычно, но это слабо помогало. И, как и следовало ожидать, стала появляться Вика. Сначала ночью, во сне, причем разнообразием не баловала. Все тот же неуклюжий Качок ронял ее с поддержки, а Геннадий в ужасе просыпался и хватался за сердце. Потом она стала приходить и днем, все чаще и чаще. Он не мог понять: Вика инициатор или следствие депрессии, но, впрочем, это было уже неважно.

Седьмого ноября их компания – четыре близких друга Геннадия с женами – собралась у них дома. Выпили, закусили, хозяин старался изо всех сил быть гостеприимным и общительным. Ему казалось, что получается. Но случайно подслушал разговор жен. Полина жаловалась, что с ним что-то происходит. Стал не похож на себя.

- Может, бабу завел? – предположила одна жена.

- Если бы! Я бы это пережила. Какая там баба, с работы приходит прямо домой, сидит, смотрит дурными глазами в идиотский компьютер, что он там видит...

- Может, сохнет от любви?

- Кто сохнет? Геннадий?

И все стали дружно хихикать. Такой вариант был невозможен. Только не Геннадий!

Держаться становилось все труднее. Это уже был не детский сад, а скорее сумасшедший дом. Он даже обратился – стыдно сказать – к психиатру. Правда, знакомому, в частном порядке. Тот, поострив на его тему, сказал, что у них в арсенале есть только одно универсальное оружие – антидепрессанты, но принимать их не советовал.

- Спасение утопающих дело рук самих утопающих, - был его заключительный рецепт.

Через несколько дней, во вторник с восьми утра Геннадий сидел в забегаловке прямо напротив большого магазина с солидной вывеской «Виктория». Забегаловка была неудобная, холодная. Невдалеке он заметил симпатичное кафе «Огонек», но там можно было пропустить Вику.

Геннадий появился в Киеве не по своему желанию. Командировки избежать не удалось - важные дела требовали его присутствия в министерстве. Он приехал поездом в понедельник утром, отработал день. Вечером немного выпил в ресторане и слабовольно решил, что терять ему нечего. Скорее наоборот - после того, как Вика окатила его холодной водой с ног до головы, он почти два месяца жил припеваючи и горя не знал. Может быть, и сейчас поможет? Ему бы передышку, и тогда снова можно будет взять себя в руки. В конце концов уравновешенный характер совсем недавно считался сильной стороной его натуры.

Словом, он пришел утром к магазину, сидел, ждал появления Вики и привычно обзывал себя дураком, а свои поступки детским садом. Она могла просто сегодня не появиться.

Время тянулось медленно. Сначала он выпил кофе, потом еще чашечку. Сидеть, ничего не заказывая, было неудобно, попросил рюмочку коньяка. Через полчаса еще.

Все это было глупо. Но – как я уже говорил – дуракам везет. В десять часов подъехала машина, приличная тачка, с шофером. Из нее вышла Вика, в легкой приталенной то ли шубке, то ли кофточке, без шапки, хотя уже было холодно. Что вы хотите, у богатых своя жизнь – из машины в помещение, потом опять в машину. Бедняга не подозревала, что ее ждет «сюрприз».

Геннадий, наверно, заразился от Качка, потому что помнил конец поговорки: «в калашный ряд», а начало, кто не должен был туда лезть, – забыл. Мучился, мучился, наконец

вспомнил: «со свиным рылом». Ну что ж, для того он и пришел, почувствовать, а еще лучше услышать это от Вики. Может быть, поможет...

Было желание попросить третью рюмку, но он сдержался. И пошел через дорогу в магазин. Он почти не волновался, а все по той же причине – терять было нечего. Никакого внимания не обратил на интерьер магазина, поэтому и я не буду ничего описывать. У ближайшей продавщицы спросил, как можно увидеть хозяйку. «Нет, у меня нет никаких жалоб, просто личное дело». Ее кабинет оказался на втором этаже. Без секретарши, это хорошо, были бы лишние проблемы. Он постучал.

- Войдите.

Вошел.

И снова у Вики стало растерянное и незащищенное лицо. Он почувствовал себя свиньей, которая вторгается в чужую счастливую жизнь, напоминая то, что хотелось бы забыть. Вторгается в калашный ряд.

Геннадий сразу взял быка за рога.

- Привет. Ты не пугайся, я к тебе просто с просьбой. Очень нужно. Давай так, напротив есть кафе «Огонек», - Вика кивнула, - будь добра, подойди, если сможешь, туда. Очень нужно поговорить. Хорошо? Здесь неудобно. Хорошо?

Вика снова молча кивнула головой.

- Не прощаюсь.

Он повернулся и вышел. Решил, что если Вика не придет, то значит она хочет избежать неприятного разговора, и он через часок уберется подобру-поздорову.

Минут через двадцать они сидели в теплом уютном кафе напротив друг друга за крайним столиком у окна – еще одна аналогия их последней беседы в Одессе.

8.

Вика молча смотрела на него. Брови почти сошлись на переносице, взгляд напряженный, губы жестко поджаты, только кончики немного опущены – наверняка результат его появления. На этот раз Геннадий не думал о том, хороша ли она. Просто ее лицо было таким близким, родным, к несчастью односторонне родным... Плохо дело...

Но нужно было начинать разговор. Трагедии ему не хотелось, поэтому он начал, как ему казалось, по-одесски, с полушутки.

Он развел руками и, стараясь звучать не слишком серьезно, сказал:

- Опять инопланетяне. Напали на меня врасплох. И амок.

Вика молчала.

К счастью, подошел официант:

- Будете заказывать?

- Ты будешь?

Она кивнула, чтобы он заказывал.

- Кофе и... рюмочку коньяка. А тебе?

Она кивнула, что ей тоже. Могла бы хоть слово сказать.

- Ей тоже.

Вика была не очень словоохотлива. И тогда Геннадий решил выложить все как есть.

- Ты не беспокойся, я к тебе приставать не буду. Тут такое дело. – Он помолчал, думая о чем начать. Нужно быть жестче, не выглядеть просителем. – Когда ты меня тогда, в ресторане отшила, и правильно сделала, я сразу успокоился.

Вика смотрела на него как сфинкс – так ему казалось. Никакой реакции.

Он продолжил:

- Наверно, самолюбие. Да и ты убедительно, как дважды два четыре, доказала мне, что мы не пара, - в голосе появились злость и раздражение.

Подошел официант, принес заказ, за это время Геннадий остыл. «Охолонул».

Со стороны Вики никакой реакции. Все тот же сфинкс.

Геннадий отвел глаза в сторону и стал смотреть в окно. Так было легче.

- Месяца два было тихо и спокойно, я уже думал, что все в порядке, остались только хорошие воспоминания. И вдруг навалилось опять. Ты. Днем и ночью. Эти инопланетяне не толкали, как раньше, а тащили за шиворот, душили за горло. У меня, Вика, цвета стали пропадать. Смотрю на красное, синее, зеленое – а там все серое.

Он чувствовал, что сдержанность ему изменяет, но действительно терять было нечего. И в конце концов у него был единственный шанс выговориться, сказать кому-нибудь вслух, что с ним происходит. Сколько можно молчать? Другой такой возможности не предвидится.

- Я старался, как мог, но вокруг стали замечать, что со мной что-то неладно. И Полина. Это моя жена. И Качок. Все. Ты будешь смеяться, но я обратился к знакомому психиатру. Конечно, о тебе не говорил, но он психиатр... Знаешь, что он сказал? Что у меня неизлечимая форма шизофрении...

Он мельком взглянул на Вику, у нее в глазах появился испуг. И на том спасибо. Опять отвернулся к окну.

- ...в тяжелой стадии, если я думаю, что любовь можно вылечить пилюлями.

Он сделал паузу. Ответа не было.

- Я почему к тебе пришел. Во-первых, чтобы ты повторила одесский урок. Тогда помогло, может, и сейчас. В конце концов, самолюбия никто не отменял. И еще знаешь, я подумал вот что... Своя душа тоже потемки. Я все понимаю, а там, в глубине, может, еще осталась какая-то дурацкая надежда. Хотя вроде не должно быть, но мало ли что... Так ты, Вика, - он опять перешел на ернический тон, - выжги ее дотла. Каленым железом, чтоб и следа не осталось.

Он подождал, глядя по-прежнему в окно. Молчание. И отметил про себя, что единственное слово, которое она до сих пор сказала, было «войдите», когда он постучал в дверь ее приемной. Больше достучаться до нее не удавалось. Пора было заканчивать.

- Что ж, Вика, давай, как ты говоришь, на этой жизнерадостной ноте... - он перевел на нее взгляд... и осекся. Ему показалось, что в ее глазах были слезы.

«Господи, - подумал он, - как же жалко я выгляжу, если железная Вика смотрит на меня со слезами».

Он выпрямился, посмотрел ей прямо в глаза и сказал:

- Ты меня не жалея, я еще живой. А лучше сделай то, о чем я прошу.

- Хорошо, - довольно спокойно сказала Вика, хоть слезы все-таки были. – Я скажу все, что ты хочешь. Но сначала то, что хочу сказать я. Я без тебя с ума схожу.

- Опаньки, - только и нашел, что ответить Геннадий. И постарался прийти в себя. Вика ему не мешала.

Пока он соображал что к чему, как-то получилось, что их руки встретились посередине стола. Викины ладошками кверху, и Геннадий их накрыл.

Спустя какое-время, трудно сказать какое, он проговорил:

- Значит, эксперимент над нами еще продолжается. И неизвестно, когда закончится.

- И закончится ли вообще, - безнадежно сказала Вика.

Они опять помолчали; может, думали, может, просто радовались...

- Ты знаешь, что я пел в автобусе, когда первый раз возвращался от тебя? - и Геннадий зафальшивил: - «С любовью справлюсь я одна, а вместе нам не справиться». Из старого фильма, ты не знаешь.

- Почему, мы «Дело было в Пенькове» уважаем. А нужно ли? - очень серьезно спросила Вика.

- Что нужно ли?

- Справляться. С любовью. Может, хватит?

Она всегда была на шаг впереди его.

- Вика, не ты ли всего три месяца тому?.. Как дважды два четыре! А мы все те же! Мы не изменились.

Вика молчала.

Он подумал и сам себе ответил:

- Да, ты права, - хотя она не сказала ни слова, - нас теперь не спрашивают. Оказалось, что мы жить друг без друга не можем. Звучит слишком красиво, чтобы быть правдой, - Геннадий очень не любил патетику, потому добавил, снижая пафос: - Но я тому живое, вернее полуживое доказательство.

Вика, кажется всерьез собиралась расплакаться. И поэтому Геннадий продолжил с утрированным одесским акцентом:

- А шо? У меня без тебя снесло крышу.

- И я на пути к этому.

- Будем вместе?! - прозвучало и как вопрос, и как утверждение.

Она даже, к удивлению Геннадия, всхлипнула:

- А есть другой выход?

Снова пауза. Геннадий почувствовал, что надо двигаться дальше, сейчас слово за ним. И понял к огромному облегчению, что драма закончилась. Теперь совсем другое дело. Он заулыбался, улыбка была настоящая, не приклеенная. И скатерть на столе стала розовой, не серой.

Объективности ради должен сказать, что ни у одного из них - в первую очередь, разумеется, у Геннадия - даже не возникла мысль о тайных встречах в гостиницах, короче говоря, об изменах. Слишком тяжело им достались последние три месяца, и они ни в какой форме не хотели повторять «милion терзаний». Вместе - значит вместе, честно и открыто.

- Давай так. Что делать мы знаем. Но надо все продумать. Мы сейчас не в состоянии. За чашкой кофе. Давай так. Ты после автобуса, нашего автобуса, сказала - помнишь? - это дело надо переспать. Сказала, сказала. С этого и начнем. Правильно покраснела, именно это я и имею в виду.

Возражения не последовало.

- Я завтра должен быть в Киеве. А ты сегодня же вечером поезжай к маме в Одессу. Не вздумай ночевать в Киеве, сразу развод.

- Хорошо.

Что-то она стала очень покладистой. Надолго ли?

- Я в четверг утром приеду, снимем гостиницу и будем все обдумывать всерьез. Кроме всего прочего.

- Хорошо, - и еще немного покраснела.

- И второе, - так же энергично продолжал Геннадий, он только сейчас заметил, что коньяк не пили, что кофе остыл. - Давай так. Мы забыли про коньяк и кофе. Вон там едят сосиски с капустой, хорошо пахнет. Закажем?

- Хорошо, - в третий раз согласилась Вика, - и по кусочку Киевского торта.

8.

Все получилось так, как они наметили, и даже лучше.

В четверг Вика встречала его на одесском вокзале с сумкой, в которой, судя по размерам, лежала не только зубная щетка. Она демонстративно приготовилась, если не к медовому месяцу, то к медовым дням.

Геннадий это понял, поэтому они не только обнялись, но и, нарушая традицию, долго целовались. Они уже не боялись, что встретят знакомых, наоборот - радовались, что наконец тайное становится явным.

Прямо с вокзала они отправились в ту самую гостиницу, где так неудачно закончилось их «знакомство», хотя оба были немного суеверными. И все-таки не стали тратить время на поиски – гостиница знакомая, приличная и на отшибе. К счастью, в те годы номера уже можно было снимать с кем угодно и на сколько угодно, были бы деньги. Геннадий поклялся, что этой гостиницей не пользовался, только рестораном, и то редко.

Оба немного волновались – чрезмерно большие ожидания редко сбываются. А у них ожидания были не просто большими – космическими. И все-таки действительность превзошла надежды. Они поняли главное - жизнь бесконечно прекрасна.

В пятницу за завтраком даже обиженный злопамятный официант не мог испортить им лучезарное настроение. Геннадий, который – мы знаем – не любил красоты, все-таки превозмог себя и сказал:

- Наконец-то я точно знаю, что не напрасно появился на свет божий.

Вика охотно продолжила религиозную тематику:

- А я теперь точно знаю, что создана из твоего ребра. И знаю, почему говорят плоть от плоти... И верю в то, что рай существует.

Геннадий смутился и на всякий случай постучал по столу. Тьфу, тьфу, тьфу...

Но неугомонная Вика в очередной раз продемонстрировала противоречивость своей натуры и тут же перешла от восторгов к жутковатым предостережениям:

- Ты знаешь, что для нас с тобой самое опасное?

- Ну?

- Смотри, такой вариант - мы не сможем с тобой поладить, и у нас не хватит сил разбежаться. Вот тогда будет не рай, а ад. Ад крошечный.

- Ну, с тобой не соскучишься. Шарахает тебя ...

Но про себя подумал, что устами младенца глаголет истина. У них было достаточно внутренних противоречий и ожидаемых житейских сложностей, чтобы не ужиться, и слишком много любви, чтобы можно было без крови разойтись... Но жребий брошен, другого решения они просто принять не могут, хотя оба теряют комфортные и привычные для себя условия. А впереди была такая бездна проблем, что даже не стоило начинать их обсуждать.

- Ладно, давай думать, что нужно сделать в первую очередь.

Но к их удивлению они все, что было возможно решить, обсудили за считанные минуты. В сущности, было всего два пункта, которые нужно выполнить немедленно, – объявить Мите

и Полине о том, что они уходят, и переехать к Викиной маме. Предвидеть все остальное было не только невозможно, но пока и не нужно.

Оба были неглупыми людьми и предупреждать друг друга, что их ждут трудности, агитировать за терпимость, за поиски компромисса по обоюдному молчаливому согласию даже не пытались. Догадывались, что такие уговоры бессмысленны.

Пока больше всего Геннадия беспокоило будущее место проживания, которое тоже в этих обстоятельствах было единственно возможным - ни у него, ни у Вики денег на съём жилья нет и так скоро не предвидится. Он помнил красочное описание Качка квартиры «эстетки». Наверно, телепатия все-таки существовала, потому что Вика предложила прямо сейчас, после завтрака поехать к ее маме и предупредить хозяйку квартиры о грядущих переменах. Судя по всему Вика не собиралась испрашивать разрешения, а только хотела поставить в известность и познакомить «с новым исполняющим обязанности зятя» – ее формулировка. Геннадий постепенно приучался на шпильки не реагировать.

Жаль, но, кажется, медовые дни закончились раньше, чем они предполагали. Впрочем, действовать нужно без промедления, времени в обрез. Завтра утром после «приезда из Киева» придется появиться дома и... Чего ожидать от Полины в такой ситуации он даже не пытался себе представить. Ее обещание поломать ему ноги уже не казалось преувеличением. Ясно было одно - надолго он там не задержится, и поэтому неплохо было бы ко времени визита иметь за спиной хоть какое-то убежище.

Сразу же после завтрака они отправились смотреть квартиру и знакомиться с «исполняющей обязанности новой тещи». В ответ на этот выпад Вика признала, что счет один один. Геннадий, правда, хотел с ней еще задержаться на какое-то время в номере, но Вика сказала:

- В путь! Впереди у нас вся жизнь!

Что можно было возразить после такого оптимистического заявления?

В такси Геннадий спросил:

- А что, если твоя мама не согласится?

- Согласится.

- А все-таки?

Вика с явной неохотой ответила:

- Все-таки, во-первых, она моя мама. А во-вторых... это моя квартира.

Геннадий удивился. И она не просто с неохотой, а с каким-то даже раздражением объяснила, в чем дело. Квартира эта, как почти все государственное жилье при перестройке, была выкуплена, владельцем являлся отец Вики. После его смерти переоформлением документов на жилье занимался Митя, женщинам было не до того. Но у дельцов своя логика, которая не всегда совпадает с общепринятыми нормами, на то они и дельцы. Хотя, как правило, они оказываются правы. И Митя по своему разумению оформил квартиру на Вика. Во-первых, она моложе, а значит вероятней именно ей лучше не ввязываться в будущем в волокиту по оформлению наследства - в конце концов, все мы смертны. Ей лучше быть хозяйкой. Вика покраснела, когда об этом говорила, – кстати, Геннадий заметил, что она легко краснела, несмотря на свою боевитую и демонстративную современность.

Митя – человек здравый и без предрассудков - понимал, что ей после переезда в Киев лучше иметь все права на частную собственность. Тогда квартиру никто не отнимет. Да и ее маме так спокойней - пожилой, одинокой владелицей жилья в наше время быть небезопасно. А в остальном они с дочкой всегда поладят, отношения у них были хорошие, хоть и не слишком близкие. Почему не слишком близкие, Геннадий вскоре понял. Но что-то во всей этой истории

ему не понравилось. Вика это почувствовала, снова покраснела и сказала, что она ни о чем не знала довольно долго. Мама узнала первая, но как ни странно, поняла и простила Митю гораздо легче, чем это сделала Вика.

Где находилось Викино парадное, Геннадий знал. Многоэтажка была еще не старая, даже два больших лифта, из которых один всегда ремонтировался, а другой иногда не работал – обычная картина. Не работал он и сейчас. К счастью, пришлось подниматься только на четвертый этаж, не высоко. Мама была предупреждена, и поэтому встретила их не в халате, а в платье, что, как потом убедился Геннадий, не часто бывало. Она оценивающе окинула его взглядом, кажется особых недостатков не нашла, и это, судя по всему, ее расстроило. Внешне Митя, пожалуй, проигрывал. Но, как известно, с лица, а тем более с фигуры воду не пить. И чтобы не было неясностей, она сразу сообщила, что любит Митю, он умный, понимающий и добрый человек. Но раз так вышло... Потом добавила, что зовут ее Глафира Петровна, она бывшая актриса и ушла из театра, потому что ее подвело амплуа – трагедии, то есть роли мальчиков в театре юного зрителя. Играла, пока возраст позволял. Она была небольшого роста, пониже Вики, чуть располневшая. Громкоголосая и с отличной артикуляцией. Ее наверно в театре было отлично слышно и в последних рядах галерки. Вика, судя по всему, была поздним ребенком, мать выглядела лет на шестьдесят. Наверно, тянула до последней возможности, не хотела прерывать театральную карьеру. Вероятно, Геннадий был пристрастен, но внешнего сходства между ними не обнаружил - мать была круглолицей и довольно бесцветной, кроме угольно-черных волос, явно крашенных, потому что корни были совершенно седыми. Впрочем, лицо было не злым – уже неплохо.

Геннадий удивился имени Глафира, в его представлении оно было связано с пьесами Островского, во всяком случае из тех времен. Немного позже Вика ему рассказала, что ее дед, отец матери, был членом союза советских писателей – она так и сказала, не писателем, а членом союза. Его, призналась она, никто не знал и не читал, но он был «почвенником» и «деревенщиком», а они и в те годы высоко ценились.

- Помнишь у Ильфа и Петрова? «Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдовался».

Как понял Геннадий, отсюда и дочь Глафира. Да, подумал он, такое генеалогическое древо многое объясняет. Хорошо, что Вика на мать не похожа, впрочем, может, у Глафиры Петровны в молодости тоже была красивая фигура...

А вот самое тяжелое впечатление на Геннадия произвело ужасающее состояние квартиры. Наверно, подумал он, у Качка не хватило мастерства, чтобы описать реальную картину. Комнаты, кухня, туалет – вот уж действительно, где конь не валялся. И дело не только в том, что все было запущено – Глафира Петровна знала о визите, но не сделала ничего, чтобы хоть как-то что-то прибрать. Валялись на стульях и довольно приличном диване в гостиной какие-то вещи, бумажки, пепел она при разговоре стряхивала на выдавший виды, несмотря на свою относительную молодость, ковер... Именно это доказывало, что перспективы на перевоспитание ее минимальны. А он уже знал, что благодаря любимому и доброму Мите, к ней раз в неделю приходила уборщица. Теперь она приходит не будет...

Я больше описывать будущее убежище Геннадия с молодой... спутницей жизни не буду, несложно представить себе все остальное. Правда, Викина комната была в несколько лучшем состоянии, но Глафире Петровне туда вход был воспрещен.

А ведь Геннадий был чистюлей, и Полина обеспечивала ему такую возможность.

Вика довольно решительно сказала:

- Мама, ты извини, нам с Геной нужно кое-что обсудить.

Они зашли в комнату к Вике и уселись рядышком на раскладном диване. Комната, так называемая детская, как обычно в таких домах, была небольшой. Сказать, что Геннадий был удручен увиденным, будет слишком слабой формулировкой. Но не напрасно он всегда считался спокойным и рассудительным человеком, к тому же менеджером по должности и немного по свойствам характера. Он – к огромной радости Вики – не стал рвать на себе волосы и отчаиваться, а сразу предложил решение.

- Вика, эти конюшни...

- Авгиевы, - уточнила образованная Вика.

- Авгиевы. Так просто не очистишь. Нужно твою маму куда-нибудь дней на пять-шесть переселить... Есть куда?

- Есть, к ее подруге Кате.

- Нужно сделать приличный ремонт. Другого выхода нет. Так жить нельзя. Я поговорю, люди есть. Думаю, это обойдется в полторы-две тысячи долларов. Постараюсь деньги достать. Потом, – он сделал нарочито угрожающий вид, – будем вместе из долгов вылезать. Ты пойдешь работать?

Она с воодушевлением закивала.

- Да, хочу сразу сказать, что твоя мама за очень короткий период может снова все засыпать пеплом. Она какой-то ходячий Везувий. Но это уже твоя забота.

Вика сравнение оценила и в знак согласия его крепко поцеловала. А может, рай все-таки действительно существует?

- Ты, кстати, не бойся, она не будет к тебе слишком враждебно относиться. Из-за тебя я вернулась домой. Три месяца она оставалась совсем одна, и это, особенно ночью, ей давалось нелегко. А когда я жила здесь, то хоть на ночь домой приходила.

Бам! Что-то вроде сигнала опасности прозвучало у него в голове. О чем предупреждал этот сигнал, он не успел понять, потому что разговор с Викой принял неожиданный поворот. Определенно, с ней не соскучишься.

Вика внезапно и на этот раз без видимого повода снова покраснела. Геннадий заподозрил, что его ждет очередной сюрприз. И не ошибся.

- Давай, выкладывай, что там у тебя припасено?

Она старалась выглядеть уверенной, но не очень получалось.

- Что припасено? Что обычно припасают? Деньги!

- Та-а-к! А их вроде бы не должно быть...

- Гена, я перед отъездом сказала Мите, что ухожу.

- Почему? Мы же хотели сначала все обговорить...

Она не продолжала, а молча смотрела на него. Геннадий уже стал немного разбираться в ее привычках и понял, что когда она не отвечает и смотрит сфинксом, значит хочет, чтобы он сам догадался, в чем дело. И он догадался. Вика это подтвердила:

- Я сказала тебе, что уйду от него, но не говорила, что изменю. Раньше нужно было уйти, а потом уже ехать в гостиницу. Я бы иначе не смогла.

Геннадию вся эта высшая математика даже в голову не приходила. Слишком тонко. Он с виноватым видом развел руками, хотя в глубине души эту щепетильность не понимал. Чуть раньше, чуть позже, какая разница? Сам он предпочитал сначала во всем до конца убедиться – понятно, что он имел в виду, - а уже потом делать непоправимые шаги.

- Ладно, - приняла это полуоправдание Вика и продолжила: - Мы с Митей говорили долго. Нам обоим было нелегко. Гена, я его очень уважаю, и даже иногда казалось, что люблю. Если бы не... инопланетяне, я бы жила с ним не хуже, чем живут многие другие.

Геннадий нахмурился.

- Некстати появились чертовы инопланетяне...

- Нет, Гена, я теперь не понимаю, как могла жить без тебя. Оказывается, все очень просто, проще не бывает. Любовь – это когда не могут друг без друга. Но Мите я многим обязана, нельзя так взять и уйти.

- Деньги, - все так же хмуро напомнил Геннадий, - ты взяла у него деньги? Просто так уйти нельзя, а с деньгами можно?

- Гена, ты сам говорил, что не нужно обижать друг друга. Дай, я объясню.

Геннадий ревновал. Непривычная ситуация. До сих пор его жизнь складывалась так, что этого унижительного чувства удавалось избегать. Он обычно успевал поступать, как рекомендовал в своей песенке герцог из оперы Риголетто.

- Хорошо, ты права...

- О чем я... Да. А в конце, когда все точки были расставлены, Митя предложил поговорить о деле. Он вообще бизнес и эмоции не смешивал.

- О деле в смысле денег?

- Да. Гена я работала три месяца по двенадцать – как минимум - часов в день. Я подняла магазин, сделала его рентабельным, особенно второй этаж, картины. Пошел доход. Это, уверяю тебя, не просто.

- Стоило при таком муже пахать по двенадцать часов.

Вика обиделась на его нечуткость. Тоже начала злиться.

- На душе было беспокойно, кажется, я тебе об этом упоминала. Ты забыл? Для меня работа была лекарством. И домой не торопилась.

Гена нехотя признал:

- Наверно, ревную. Глупо, все вроде в прошлом, но меня это задевает. Ты права. Снизим накал.

Они помолчали и успокоились.

- А как на это реагировал Митя?

- Он приходил не раньше меня. Деньги, особенно большие, тяжело даются. И напряжение...

- Так вы мало общались?

- Нет, мы две совы. Я ему рассказывала наши новости...

- Сюрновости?

- Примерно так. Слушали записи, смотрели слайды. Для него это было лучшим отдыхом...

- Значит, было все хорошо?

Вика ответила с горечью:

- Да, все прекрасно, за одним исключением – я рассказывала ему, а видела тебя.

Геннадий вместо ответа ее обнял. Давно нужно было это сделать.

Откуда-то из-под руки Вика продолжила:

- Так о чем я... А, о деле. Митя даже, я бы сказала, педантичен. В нашем брачном договоре...

- Ага, был и такой...

- Да, они все так делают на случай развода. Там миллионы, этим не шутят. Читал, наверно, о шумных разводах.

- А развод как раз и случился, - не удержался от злорадства Геннадий.

Вика не удостоила ответом и продолжала:

- Договор был порядочный, как и сам Митя. Там был пункт, что деньги, которые я заработаю, будут мне на булавки. Мои личные. Мой оклад менеджера большого магазина был три тысячи долларов в месяц. Это нормальный оклад. Деньги автоматически шли на мой личный счет. Что было мне нужно, я покупала. Денег не просила, хотя, конечно, Митя сам покупал мне дорогие вещи. Ему это нравилось.

Геннадий снова чуть не взорвался.

- Вика, ты можешь сократиться? Думаешь, это все приятно слушать?

- Извини, Геночка. Все. На книжке осталось три тысячи двести долларов. Он их брать отказался... Ты считаешь, что ради принципа их нужно сжечь?

Геннадий был человеком практичным и тоже считал, что есть принципы нормальные, а есть дурацкие. Кажется, в этом случае принцип был бы дурацким. Он согласился бы с Викой, если бы не чувствовал, что это еще не все. Что-то его ожидает...

- Погоди, погоди... Но одесский магазин ты ему вернула?

- Ясно, информация от Качкова. Он тебе сказал, что магазин купил Митя? И подарил мне?

- А разве не так?

- Нет, не так. Магазин нашла я сама в 92-м году. С советской макулатурой, которую никто не покупал, и хозяин прогорел. Я там работала. Тогда вся недвижимость стоила копейки. И я попросила Митю одолжить мне денег.

- Ага. За красивые глаза.

- И за это тоже. Он тогда уже подбивал под меня клин. - Вика собиралась с силами и жестко продолжила: - И этим проложил дорогу к моему сердцу... и постели. Хотя все равно так было бы. Я ему три года тому назад весь долг до копейки отдала. До того, как мы решили пожениться. Нигде ни в одной бумаге он не числится – я купила, я заплатила. Что прикажешь, сжечь магазин? Тем более, что сейчас – спасибо Миле – от него одни убытки.

- А почему Качок...

- Думаю, не без подсказки Мити. И не только ему он намекал. Хотел показать, что для меня ему ничего не жалко... Ладно, людей без недостатков не бывает. Но он поступил порядочно. Ни скандала, ни обвинений. Дал шофера и машину, - она подчеркнула, – на ночь глядя, как ты сказал, чтобы отвезти меня домой. Вещей оказалось много. А те, что он мне купил, положил в машину так, чтобы я не видела. Я их только дома обнаружила. Ну не бежать же возвращать все в Киев. Не хмурься, скажи, что ты об этом думаешь.

- Я не объективен.

- Вот необъективно и скажи.

- Ладно, скажу.

Геннадий был старше, опытней и в жизни разбирался лучше, это я уже говорил.

- Я не верю в благородных бандитов и бескорыстных миллионеров. Он мог бы тебя в чем мать родила спустить с лестницы, и никто бы его не осудил. Через три месяца, после пышной свадьбы нанести такое оскорбление.

- Да, ужасное, ужасное... Вот видишь.

- Но он человек предусмотрительный. И к тебе хорошо относится. Но может быть, и к себе. С твоих слов он сделал вывод, что эта блажь не надолго, ты перебесишься и вернешься. Ты же ему сказала, что мы не подходим друг другу?

Вика понурилась.

- И он просил пока об этом не распространяться, хотя бы первое время?

- Ну и что в этом!.. Он сказал, что хочет сам объяснить своим друзьям, и вообще своим.

- Ты сказала, что я тебе противопоказан?

- Откуда ты знаешь, - в глазах ее был испуг, - что я сказала именно «противопоказан»?

- Ха! Откуда я знаю. Это мое слово, так я о тебе думал с самого начала. Хозяйничаешь в моей голове, как у себя дома. Экстрасенс, на мою голову.

Несмотря на нелегкий разговор, Вика неожиданно просветлела и поцеловала его куда-то в ухо. Геннадий растаял.

- Ты обыкновенная ведьма. А я-то валил на бедных инопланетян...

И неожиданно рассмеялся. Вика с удивлением посмотрела на него.

- Кто бы мог подумать, я, оказывается, нашел себе богатую невесту. Деньги, магазин и квартира! Хотя сам гол как сокол.

Вика очень серьезно и внушительно сказала:

- Ничего. Привыкай. «В богатстве и бедности, в горе и радости». Все общее. Ты мне это еще официально в торжественной обстановке скажешь.

Но надолго ее серьезности не хватило:

- Хотя смотрю на тебя - богатства у нас никогда не будет.

- А я на тебя. Не будет, это точно. Ты свой шанс упустила.

- Ну и черт с ним!хлопот меньше.

Но Геннадий подозревал, что Вика была создана и даже задумана для той жизни, которую сейчас теряла.

В этот же день они поехали в одну небольшую ремонтную фирму, где хозяином был знакомый Геннадия, договорились о ремонте, заплатили аванс. И с легкой душой вернулись в гостиницу.

Пока им во всем везло. Вы еще помните, кому, по моему мнению, везет?

В субботу утром Геннадий на ватных ногах вошел в свою - уже по существу бывшую - квартиру. Чемодан с собой не взял, оставил в гостинице (правильно сделал). Полина сидела в халате, на столе были всякие яства и бутылка. Геннадий снял и повесил в прихожей куртку, подошел к ней, поцеловал в щечку. Потом сел не рядом - на всякий случай, - а напротив, через стол.

- Привет, где Витька?

- У мамы, чтобы он нам не мешал, - и Полина игриво подмигнула.

- Это хорошо.

- Как я соскучилась...

Геннадий решил немедленно приступить к разговору, затягивать процедуру было просто невыносимо.

- Ты заметила, что со мной было что-то неладно? Последние три месяца?

- Да, - нахмурилась Полина, она почувствовала недоброе.

- Я долго боролся с этим, не хотел обижать тебя и Витьку, но не мог с собой справиться. Я полюбил одну женщину...

- И что дальше? – она еще не все осознала.

- Поля, так бывает в жизни... Я от вас уйду.

Это были последние слова, которыми они обменялись в этот день. Полина не кричала, не ругалась, все происходило как в немом фильме. Она молча его била. Руками по лицу, ногами по чему попало. Когда он, защищаясь, пытался прижать ее к себе, то била локтями, коленями, плечом один раз удачно смазала подбородку. Вдруг повернулась, все так же молча пошла на кухню – Геннадий вздохнул с облегчением – и вернулась со скалкой. Геннадий рванул куртку, оборвал петлю, шапку искать не стал и выскочил за дверь. Полина его не преследовала, она считала, что семейные проблемы чисто внутреннее дело и соседи ничего знать не должны.

По дороге он купил в соседней аптеке примочки и бинт – послезавтра на работу!- взял на стоянке машину, приехал к гостинице и пробрался к себе в номер, аки тать в ночи. Вика, увидев его бойцовскую физиономию, все поняла и вместо сочувствия стала неудержимо смеяться. Весь вечер она меняла ему тампоны и не могла удержаться от смеха. Геннадий не обижался. Он и сам бы посмеялся, но слишком болела челюсть после мощного удара могучего Полининого плеча.

Развод у Вики был более цивилизованным.

Геннадий корил себя за черствость. Оказалось, единственное, что он испытывает, - это жалость по отношению к Полине и Витьке. Сожаления об утраченном удобном, надежном и стабильном семейном очаге, увы, не было. По сравнению с теми катаклизмами, которые сейчас происходили – и еще будут происходить – в его жизни, прошлое казалось пресным и безликим, чем-то вроде брежневского застоя. Хотя в глубине души он подозревал, что еще будет вспоминать об этом спокойном, беспроблемном периоде своей жизни как о благодати. И ему, несмотря на синяки и боль в челюсти, нравилась реакция Полины, так и должна была поступить крупная, красивая и знающая себе цену женщина. Она не кричала на весь дом, не ругалась, не обзывала его последними словами, наконец не редела белугой – как поступили бы многие брошенные на ее месте. Она просто дала выход своему гневу. Жаль, жаль ее. Полина так была уверена в прочности и нерушимости своего дома, делала для этого все, что было в ее силах. И возможностях. Но, как сказала Викина мама, раз так вышло...

В понедельник синяки только начали чернеть и проявляться. В таком виде заместитель начальника ведущего отдела на работе появиться не мог. Пришлось у своего участкового врача, полной женщины пенсионного возраста, попросить больничный лист на неделю. Не бесплатно. Врач получала мизерную зарплату, продавать свои знания она не могла из-за их отсутствия, поэтому подрабатывала на справках и больничных листах. Эту неделю Геннадий провел с пользой. При ремонте в наших традициях, чтобы дома были хозяйка и хозяин на подхвате – купить поесть и выпить труженикам, убрать, подмести, помыть. Исполняющую обязанности тещи отселили к подруге, Вика не очень подходила для этой роли и, признаться, не горела желанием, пришлось крутиться самому. Мать и дочь дружно посоветовали, пока есть деньги, за копейки взять любую соседку, будет больше пользы и меньше мороки. Геннадий так и сделал, но знал, что присутствие хозяина все равно необходимо. А Вика ездила на работу, налаживала дела в магазине, которые Мила, продавщица в очках, в роли директора довела почти до ручки. Оттуда звонила, говорила, что скучает, но в доме не появлялась. Вечером Геннадий заезжал за ней в магазин, с этого момента все было не просто хорошо, а сказочно. Они ехали в гостиницу, там ужинали в ресторане, потом немного гуляли по улицам, потом... Смушало, в основном, Геннадия только одно - еще неделю, и от Викиных денег и следа не останется.

К концу недели ремонт закончился. В четверг завезли большой двухспальный залог семейного счастья, и только тогда Геннадий узнал, что Глафира Петровна уступила им спальню, а сама перешла в детскую. Он так и не узнал, это было добровольное пожертвование или следствие принуждения.

Между прочим, Вика ему рассказала, что столкнулась с Качком. И черт знает почему, рассказала ему, что ушла от Мити. Вот дура! Правда, он обещал молчать.

- Кто? Качок? Молчать?!

Но он не стал больше ей досаждать, в конце концов не он давал обещание Мите. Впрочем, такие новости не скроешь.

В пятницу все были с утра дома, расставляли мебель, перекусили, чем бог с помощью Геннадия послал из соседней кулинарии. А в субботу с утра мать и дочь работали на кухне, и праздничный обед был неплохим. На вопросы, кто из них был шефом, ответа не добился, но уж очень победительно смотрела Глафира Петровна.

Тьфу, тьфу, тьфу – стучал Геннадий по дереву, кажется, новая жизнь начиналась вполне прилично.

10.

В следующий понедельник от черных синяков все-таки еще оставались желтые пятна. На работе он отвечал игриво либо «бандитская пуля», либо «поскользнулся, упал, очнулся, гипс». Начальству доложил, что на даче свалился с дерева.

В кабинете его навестил Качок и прямо сказал, что в дерево не верит. По следам видно, что его кто-то бил.

- Я в этом разбираюсь. Сам бил и меня били. Давай, не темни. В командировке набрался и какой-то муж тебя засек? А кстати, тебя искал Леша. Он что, не мог позвонить вам домой? Что-то ты, друг любезный, темнишь.

Леша был одним из приятелей Геннадия и Полины. Ну да, Полина не знала, где его искать. А по мобильному телефону звонить не хотела. Да и он отвечал только на Викины звонки... Кажется, придется Качку рассказать.

- Я ушел от Полины.

Неизвестно почему, но реакция Качка была такая же, как у Вики. Он стал неудержимо хохотать, как Мефистофель. Он вообще смеялся, как Мефистофель, на басах, это была его особенность.

- Что тут смешного?

- Вот тебе и дерево! Ну, Полина, ну молодец. Узнаю ее почерк. Вот это женщина! Если бы не ты, я бы сам предложил ей руку и сердце.

- Теперь можешь предложить.

- Не валяй дурака. Никуда ты не денешься. Живешь как у бога за пазухой. И какой пазухой! – Качок смутился. Он грубость не любил, а получилось грубовато и пошловато. Но продолжил: - И она тебя не отпустит. Полина штучный товар, теперь таких не делают. Нынешние девицы, я не люблю слово телки...

Геннадию все это было неприятно. Зря сказал. Хотя все равно рано или поздно выяснится.

- Качок, извини, сегодня первый день, много работы.

Но тот и ухом не повел.

- Ушел от Полины, обхохочешься. Ты никому не говори. Не смей народ. Кто в это поверит?!

И вдруг он вспомнил.

- А вот кто действительно удивил, помнишь, я ездил на свадьбу в Киев? Рассказывал тебе про миллионера Митю и Вику? Вика - моя бывшая партнерша по акробатическому этюду. Постой, ты же ее видел. В кафе. Помнишь? И сказал, что она не в твоём вкусе.

Геннадий только поморщился.

- Я Вику на днях встретил, и она сказала, что ушла от Мити. Вот это новость! К кому? На кого поменяла миллионера? На миллиардера? Нет, на Вику это не похоже...

Геннадий решил спустить этот разговор на тормозах.

- Почему ты решил, что поменяла? Может, просто не сошлись характерами... Качок, мне работать надо.

- Успеешь. Пять лет сходились характером и вдруг разошлись. Нет уж, в этом я разбираюсь. У человека, который разошелся, и вид такой, соответствующий. А Вика сияет, аж светится. Точно к кому-то ушла.

- Ты мне дашь работать?

- Ладно, иду. Но интересно, к кому она ушла?

Наконец терпение Геннадия лопнуло.

- Ко мне Вика ушла. Иди уже!

- Ха-ха! – загромыхал Качок. Потом остановился, с подозрением посмотрел на Геннадия. На его синяки. – Ха! Брось заливать. Митя миллионер...

В это время явилась начальница отдела кадров.

- Ладно, я пошел. Скажешь тоже...

Он закрыл за собой стеклянную дверь. Постоял. На лице были сомнения и размышления. Они легко читались: «Да быть этого не может. Разыграл, гад». Потом пошел. Но сомнения остались.

Переход от медовой недели к рабочим будням был довольно гладким. Утром после завтрака, который с героическим видом готовила и подавала Вика – кофе плюс булочка с маслом и сыром, – Геннадий мыл посуду. Потом он отвозил Вику в ее книжный магазин, останавливался за углом, чтобы не напороться на Полину, и ехал на работу. Там он старался заинтересоваться делами, но больше думал о том, как заберет Вику и поедет домой, – он уже приспособился ее квартиру называть домом. Вика тоже не давала возможности о себе забывать, звонила раза два-три в день и сообщала, как скучает и какой «сюр» ей удалось откопать или сколько «сюр» удалось продать. Об обычных продажах она не говорила, по привычке доходы пока ее не очень волновали. «Ничего, - думал Геннадий, – прижмет, научится беспокоиться».

Вика связалась по телефону с несколькими близкими друзьями, сообщила, что она в Одессе. Звучало так, как будто она вынуждена спасти свой магазин от разорения. Больше никаких подробностей. На всякие мероприятия пока ходить отказывалась – занята, плохо себя чувствует, уже приглашена в другое место...

Почти месяц они вели домашний образ жизни, вечером никуда не ходили, один раз были в филармонии на джазовом фестивале и зашли в зал после начала концерта, когда потушили свет - Вика старалась выполнять обещание, данное Мите. Геннадий говорил, что все равно шила в мешке не утаишь.

- Я обещала. И не нужно иронически улыбаться.

- Уже не улыбаюсь.

Его такой режим устраивал. Геннадий был домашним, его никуда особенно не тянуло. Телевизор, детектив, периодические встречи и застолья с друзьями, раз в два-три месяца, а то и в полгода театр или какой-нибудь гастролер – это был их с Полиной образ жизни.

Вика, судя по всему, тоже была довольна. Она к удивлению Геннадия, а в еще большей степени к своему, оказалась очень ласковой. Старалась прижаться к нему, едва не урчала, когда он ее гладил. Геннадий, который, как мы знаем, не любил слащавости, называл ее «мой котенок» – тоже о многом говорит. Правда, после этого каждый раз немного смущался. В квартире больше чем метр расстояния между ними не было.

- Все мои... ну в общем, мои... и Митя тоже, жаловались на мою холодность. Я сама себе удивляюсь. Как бы тебе не надоест. Вы, все говорят, не любите липучек. Вот так преобразование! Инопланетяне, не иначе... В крайнем случае амок.

Но Геннадий очень надеялся на другое ее преобразование - в заботливую жену, которая сохраняет все достоинства прекрасной любовницы. Этого пока не происходило, то есть в смысле заботливой и хозяйственной жены, все остальное было в полном порядке. Бытовые проблемы Вику совершенно не волновали, она их не замечала. Пока они сидели дома, расходов у них было немного. Даже меньше, чем нужно, потому что никого из женского персонала квартиры еда не волновала. И. о. тещи что-то себе варила, на взгляд Геннадия несъедобное; может, от недостатка продуктов или денег. Вика, когда на обратном пути Геннадий предлагал заехать в магазин, не возражала, но стояла там с безразличным видом, или советовала купить сосиски и яйца. Когда Геннадий купил большую курицу, она дома постояла над ней с озадаченным видом, потом предложила пожарить яичницу и сварить сосиски. Геннадий ужаснулся. Яичница – это шаблон, то, что в фильмах, в книгах и в жизни могут приготовить современные телки, девицы, в том числе симпатичные девушки и молодые женщины.

Курицу Вика взяла двумя пальцами и засунула в морозилку. Геннадий ее вынул, разрезал на части, положил каждую в полиэтиленовый мешочек и поучительно сказал:

- Она превратится в глыбу льда, что ты потом с ней будешь делать?

- Я поняла, - охотно согласилась Вика, но было видно, что с курицей ни до, ни после холодильника она не собирается ничего делать. От нее в этом смысле – во всяком случае сейчас – ничего путного ожидать не приходилось. Пока она не вышла замуж, готовила еду мама. Конечно, Вике приходилось перехватывать что-то вне дома, но так, по мелочам. Потом у Мити к ее услугам были кафе и рестораны, а домработница что-то мастерила утром и вечером. Переучиваться она пока не собиралась, такое просто ей в голову не приходило. Опыта перевоспитания у Геннадия не было, ничего подобного с Полиной даже в начале их жизни не происходило. Он мысленно чуть не назвал Вику свиристелкой, но спохватился. Это был бы первый шаг в плохом направлении.

Она покупала одежду, которая не нуждалась в глажке, поэтому однажды утром с удивлением обнаружила, что стиранные рубашки Геннадия не глажены. Да и он сам, разбалованный предыдущей скучной жизнью, это заметил перед самым выходом на работу. И штаны оставляли желать лучшего. Остроумная Вика нашла выход:

- А ты надень пуловер, не будет заметно. И вообще, нужно тебе купить джинсы и нормальные рубахи, которые не гладятся.

Кстати, она все это с большим удовольствием купила на остатки денег в тот же день, экипировала его современным образом и сняла проблему. Но другие проблемы остались...

И. о. тещи оставляла грязную посуду в раковине, оправдываясь тем, что собиралась это сделать позже. Стали пробегать тараканчики. Пока маленькие. Пепел был везде, даже у них в спальне, несмотря на суровые указания Вики. Нужно было не запускать ситуацию, а что-то предпринимать. Геннадий был старше, опытнее – кажется, я это пару раз уже говорил - и собрал жильцов на совещание. Кстати, к этому времени он сумел наладить относительно мирные отношения с и. о. тещи.

- У нас в доме все очень хорошо, отлично. Просто прекрасно. За небольшим исключением. Некому вести хозяйство, некому убирать, некому готовить, некому покупать еду. Ну, скажем, покупать буду я. А все остальное?

Я не знаю, как ему удалось, наверно за счет обаяния, но он уговорил Глафиру Петровну готовить и составлять ему список необходимых продуктов. И. о. тещи, которая явно тосковала от отсутствия применения своим талантам, согласилась. Мало того, обещала не оставлять невытую посуду и почти выполняла это невысказанное для нее требование.

Он добавил, что хотя не такой добрый, как Митя, но предлагает продолжить договор с уборщицей, так как понимал, что они зароятся в грязи, и увы, кроме него, никто этого не заметит. Вика выросла в такой обстановке. Она за собой следить приучилась самостоятельно, без помощи родителей. Свою роль в этом сыграли занятия спортом и самолюбие симпатичной девочки, а на то, что творилось вокруг, привыкла не обращать внимания. Но для Геннадия это был вопрос жизни и смерти. Он собрал волю в кулак и приучил Вику дважды в неделю делать совместную легкую уборку – в дополнение к посещениям домработницы. Вика считала это манией, глюками, но на что не пойдешь ради любви! Геннадий часто помогал Полине убираться, для него это было привычным делом, а Вике приходилось нелегко - ногти страдали, лак облезал, в перчатках неудобно... Пришлось Геннадию сопровождать процесс уборки поглаживанием, поцелуями и поощрениями в виде ласковых слов. Помогало.

Словом, тот месяц, когда они сидели дома, прошел ко всеобщему удовольствию почти на «отлично».

У них в спальне остался телевизор и. о. тещи, а Викин телевизор остался в ее бывшей детской, поэтому семьи были автономны. Телевизор Вика не выносила, его смотрел только Геннадий. Пользоваться стулом при этом она ему не позволяла, он сидел на кровати, и она могла прижиматься к нему, когда читала книгу или рыскала в ноутбуке. Сама Вика привыкла сидеть в кровати, подложив под спину подушки. Такую вольность строгая Полина не позволяла, валяться на постели одетым считалось моветоном.

Оба они, не желая мешать друг другу, сидели в наушниках и выглядели вполне «модерново», как космонавты, это тоже был «сюр».

Были периоды, когда у них иссякали общие темы, так как то, что один из них слушал или смотрел, другого совершенно не интересовало. Обсуждение было практически невозможно. Но первое время общий интерес обеспечивали рассказы Вики о неформалах. В конце концов, теперь это и его касалось. Геннадий слушал информацию с восторгом и ужасом, как дети слушают страшную сказку на ночь. Он начинал осознавать - то, что ему удалось в какой-то степени преодолеть за первый месяц, только присказка, а сказка будет впереди.

11.

Кое-что он знал о неформалах, совсем немного. Странные молодые люди, одни говорят, что это форма протеста, другие - распушенность. Геннадий считал это сочетанием того и

другого. Вика попыталась донести до него свое восприятие. Каждый день он узнавал от нее что-то новое.

Примерно так.

Прежде всего, неформалы очень разные и по форме, и по содержанию. Кстати, для одних форма, внешние отличия – играют решающую роль. У многих из них вообще нет содержания, в интеллектуальном понимании этого определения. Вика, естественно, относилась к второй части, для которой содержание является очень важным. Но общими для всех неформалов являются два основных признака. Первый – протест против мейнстрима, несогласие с ним. В переводе это означает несогласие с тем, что принято, что считается нормальным. Это Геннадия не обрадовало – и он сам, в конце концов, самый обычный, даже типичный мейнстрим по своим вкусам, привычкам, образу жизни.

А второй важный признак посеял в его душе еще большую тревогу. Вика говорила с чувством и даже страстью о желании неформалов в этом мире тотального одиночества найти группу общения, в которой ты будешь своим, где тебя поймут. Где твои единомышленники. Поэтому они кучкуются, много времени проводят вместе, не сидят как сычи в своих конурах, подобно большинству обывателей мейнстрима. Один из типичных представителей сычей выслушал это без удовольствия.

Вика рассказала, что лет шесть-семь тому назад несколько старших и толковых ребят, среди которых был и Митя, организовали молодежную неформальную группу и назвали ее «Модерн». Они считали себя интеллектуалами широкого кругозора и западниками; впрочем, во многом так оно и было. Базой для информации из-за рубежа был, естественно, компьютер, поэтому большинство отлично владело этим инструментом. Цель простая и понятная – борьба с постсоветской косностью во всех ее проявлениях. У них даже было традиционное место сбора – клуб медработников, где они по вечерам тусовались.

Но как обычно и бывает, со временем группа стала распадаться. Старшие ушли в работу, в бизнес, обзаводились семьями. Но связи между неформалами остались, они встречались, хоть не так регулярно. Те, в ком привычка все время тусоваться вошла в плоть и кровь, стали искать новые возможности. Мы с вами знаем таких, которые неумоимо бродят с тусовки на тусовку. К ним относилась и Вика. Она сама, и с помощью Мити, стала непременным членом различных сборищ, начиная от общества книголюбов и кончая фешенебельными мероприятиями. В большом городе всегда можно найти место, где есть возможность «пообщаться».

Несмотря на свои амбиции, Вика в сущности была бесхитростным человеком, поэтому она ничтоже сумняшеся рассказывала ему, что, к примеру, из тех двенадцати часов в день, которые она в Киеве работала, почти половина была затрачена на различные презентации, выставки, тусовки, аукционы. Считалось, что это часть ее работы, связь с жизнью, клиентами и наконец просто единомышленниками, неформалами из ее группы, тейпа, как они говорили. С точки зрения Геннадия, все это было разновидностью тусовок.

- А как Митя на все это смотрел?

- Нормально. Он сам был из наших. Когда мог – присоединялся ко мне.

- А в Одессе?

- А что в Одессе?

Постепенно выяснилось, что из тех двадцати пяти часов в сутки, когда Вика, по ее словам, занималась искусством, значительная часть приходилась на различные варианты общения. В том числе сейшены, то есть домашние выставки или концерты, дискуссии или вроде бы дискуссии, юбилеи, бесконечные торжества (а проще гулянки) по поводу продажи картины, издания книги, просто именины уважаемого члена тейпа. В зону увлечения Вики

входили картины и, естественно, художники из числа молодых и ищущих. Художники и так в большинстве своем неформалы, а уж те, кто официально считает себя таковыми, не только в искусстве, но и в быту далеки от мейнстрима как от неба до земли. Постепенно выяснилось, в чем Геннадий не сомневался, что там выпивали - а как же! - хотя Вика, кроме вина, ничего не потребляла. Но была и травка...

- И ты?..

- Что «и я»? Прямо конец света! Ну да. Запуганные обыватели шарахаются, как от чумы... - но по глазам Геннадия она поняла, что он и есть запуганный обыватель. - Успокойся. Во-первых, травка это не наркотик, а во-вторых, я очень редко. Не любила. Меня от нее подташнивало.

Теперь Геннадий начал понимать, о чем предупреждал сигнал опасности, прозвучавший в его голове, когда Вика сказала: «Я хоть на ночь домой приходила». Котенок, похоже, был не очень домашним.

12.

Оказалось, что Вику, настоящую Вику, он пока не знает. И ничего в этом нет удивительного, просто у них не было возможности узнать друг друга. На четвертом коротком свидании - а в сумме до этого они общались максимум три часа - решили быть вместе. А после пятой встречи уже не расставались. Даже основные факты биографии друг друга не знали.

С Геннадием проще. Ему о себе и рассказывать было нечего. Кончил школу, пошел в институт, кончил институт - пошел в «Морпроект». Родился и до сих пор жил в одной и той же квартире. Пришло время - женился. Все. Единственное, что он мог рассказать более-менее занимательное, - амурные дела, но в данном случае этого делать не стоило. Поэтому он в основном слушал, благо у Вики было много интересной и неизвестной Геннадию информации.

О ее школьной трудовой - и не только трудовой - жизни он знал от Качка, этого периода по молчаливому обоюдному согласию они не касались. А после школы Вика пошла работать в магазин, потому что отец болел, а ее мама... ну это понятно. Одновременно она поступила на вечерний факультет иностранных языков в пединститут, но бросила его после третьего курса.

- Диплом мне был не нужен, а язык к тому времени я знала лучше, чем преподаватели, - с привычным апломбом объяснила она.

Впрочем, вероятно, так оно и было, потому что вслед за этим Вика закончила очень престижные годовые курсы программистов одной солидной американской фирмы. Геннадий понял, что далеко не бесплатные и дело не обошлось без Мити. Но вдаваться в детали не стал, меньше знаешь - крепче спишь.

Кажется, он нашел невесту не только с деньгами, магазином и квартирой, как когда-то сказал, но и с большим количеством еще неизвестных ему достоинств и, возможно, с еще большим количеством недостатков.

Геннадий не очень пытался вникать в модерн, авангард, андеграунд и прочие увлечения Вики. С легкой руки Качка он все это скопом называл «сюром», чем вызывал ее ироническую ухмылку. Он боялся, что Вика будет его поучать, рассказывать, какие книги читать, какую музыку слушать, как разбираться в нюансах современной живописи. К счастью, этого не произошло. Она даже однажды о какой-то паре своих знакомых сказала:

- То, что у людей разные вкусы, не должно мешать им любить друг друга.

Но определенно при этом имела в первую очередь в виду себя.

Немного позже он понял, откуда эта терпимость и демократичность. Западно-интернетовская Вика восприняла царящую там толерантность. Они – неформалы – в первую очередь не любили советский и постсоветский мейнстрим именно за диктат. Только так и никак иначе! И из понятного духа противоречия их после перестройки понесло во все тяжкие...

Нет, она не навязывала ему свои предпочтения и вкусы. Другое дело, что ей очень хотелось поделиться своим мнением об услышанном, увиденном или прочитанном. Но кроме Геннадия, под рукой пока никого не было, Митино табу она строго выполняла. Поэтому время от времени она ставила дома записи, читала вслух понравившиеся места из книги, даже пару раз приносила «обалденные» картины. Одну оставила дома и повесила над кроватью. Он говорил, что нравится, но до изображения восторга не дотягивал. Вика фыркала и какое-то время оставляла его наедине с футболом или очередным фильмом. Детективов при ней он все-таки читать не решался, помнил, с каким выражение лица ему указали на вторую полку с краю. Он попросил принести ему что-нибудь полегче, не Джойса. Она принесла Ивлину Во. Потом «Азазель» Акунина. Это было неплохо.

Однажды, когда они уже засыпали, он сказал:

- Я как-то у тебя в магазине на полке, где написано «альтернативная литература», посмотрел твой западный «сюр», – вообще кошмар. Одна чернота. Наркота, секс, извращения. Ты, я заметил, их домой не приносишь и в постели не читаешь. Может там, в магазине по долгу службы... Нет, это не правда жизни. Разве что изнанка. Почему она сейчас на поверхности?

- Потому что на жизнь нужно смотреть трезво. И знать что посередине, а что на самом дне. Все нужно знать.

Геннадий подумал немного и сказал.

- Знаешь, возможен другой вариант - может быть, жизнь такая, какой человек ее видит?

Вика затихла. Потерлась головой о его плечо. А через какое-то время сказала совсем другим тоном:

- Гена, я с некоторых пор... Почему с некоторых? С тех пор, как ты появился... Стала думать – может, не нужно суеты и надрыва? А нужно быть счастливой? Может, все проще? Потому и не ношу эти книги в постель... Им тут не место.

Но проще не получалось. Вика все больше страдала от вынужденного заточения.

Однажды принесла какую-то запись, хотела поставить ее, потом передумала. Только вздохнула.

- Сегодня у Дины сейшен, мы эту запись бы слушали стоя на ушах!

Другой раз взглянула на висевшую над кроватью «обалденную» картину и сказала с грустью:

- Смотри, скоро у Лелика и Болика день рождения. Будут все наши, они мне не простят, если я не приду...

- Лелик и Болик, кажется, из старого мультлика?

- Это художники. Леня и Борис. Мы их так называем. Один – Лелик - анималист, а другой... - и она безнадежно махнула рукой, мол, все равно не поймешь.

- В один день? Они близнецы?

- Сообразил. – И без всякого перехода продолжила: – И Митя не подает признаков жизни... А обещал позвонить, когда все уладится.

В ее голосе Геннадия почудилась обида... и даже тоска. Он резко отвернулся. Вика торопливо стала оправдываться.

- Нет, Геночка, я к тому, что может, он уже всем все объяснил...

Прозвучало не слишком убедительно.

- Позвони сама.

Вика вскинула голову и сказала:

- Нет!

Эмоций в этом коротком «нет» хватило бы на большой монолог.

Впрочем, он понимал, почему строптивая Вика так безропотно и добросовестно выполняет просьбу Мити. Это была своеобразная епитимья. Она не только морально перед ним в долгу, но... и материально. Последние два, а то и три года они фактически жили вместе, но на разных квартирах, как это нередко бывает в наше время. И даже в разных городах. Вика регулярно ездила к нему, на его приемах была хозяйкой, вместе с ним ходила на важные торжества и все в таком духе. У них все было общее, и происхождение этого общего ни для кого не было секретом. Геннадий видел, что она совершенно отвыкла считать деньги. Когда почти бесследно исчезли три тысячи долларов, она – ни с кем не советуясь – отнесла в комиссионный магазин какую-то шубку из тех, которые ей Митя положил в машину, и вернулась с полугодовой зарплатой почти начальника ведущего отдела. Другого способа рассчитаться с бывшим (впрочем, пока еще настоящим) мужем у нее не было – только добросовестно выполнять то, о чем он просил.

Любовь обостряет сознание. Геннадий понимал, что демонстративное молчание Мити продуманно. У них с Викторией было много общих знакомых, в том числе и библиотекари из магазина в очках и без очков. Митя имел полную информацию о настроениях и поведении Вики. Понимал, что она постепенно закипает от замкнутого, совершенно непривычного для нее образа жизни. Ждал, когда она взорвется.

Это было не просто неприятно – мучительно, но что можно было сделать? Геннадий сознавал, что любит ее все сильнее, хотя казалось, что это уже невозможно. И Вика ему говорила то же самое. Хотя...

Она стала довольно демонстративно пренебрегать домашними обязанностями, которых у нее в принципе и до этого почти не было. Однажды сказала:

- Смотри, мама пишет список продуктов, ты их покупаешь, зачем я в качестве свидетеля? Давай я лучше поеду с работы в автобусе, хоть среди людей потолкаюсь.

И на уборках она тоже стала напоминать свидетеля, даже привычные поощрения слабо помогали. Мечты о том, что Вика станет к плите, вообще были миражом.

И. о. тещи готовила добросовестно, но... это была не домашняя еда. Он только как попугай повторял - вкусно, спасибо, прекрасно, а чувствовал себя как в столовой. Не мог попросить, к примеру, поменьше солить или не так жарить. И. о. тещи даже в голову не приходило спросить, что он хочет. В свое время ужин с Полиной часто начинался со слов: «Сегодня твои любимые...» Или: «У меня для тебя сюрприз, ты, наверно, соскучился по...» Он это не ценил, не замечал...

Была в их общепите еще одна неприятная особенность. Вы уже знаете, что Глафира Петровна была не слишком, мягко говоря, аккуратной. Тарелки, продукты, вилки, ложки трудно было назвать стерильными, а кухонное полотенце... В брежневский период семейной жизни Геннадия все это выглядело иначе, а в воспоминаниях... нектар в райских кущах!

Геннадий старался, когда мог, сам мыть посуду. А у Вики были ногти...

В одном Вика была безусловно права – нужно выходить из дома.

Ей было куда пойти, приглашений хватало, даже с избытком, но на ее знакомых Митя наложил строгое табу. А Геннадию, оказалось, некуда было ее повести. Ну раз-другой на концерт – и все. Театры в Одессе в те годы были в состоянии полного развала. А концерты – вкусы наших почти молодоженов не слишком совпадали. Оба могли согласиться разве что на симфоническую музыку, и то с оговорками.

От своей бывшей многолетней компании Геннадий был отлучен. Жены устроили «развратнику» полную обструкцию, так как он был первым, разрушившим семью. В них

кипела настоящая горячая ненависть. Полина общаться категорически отказалась, сына тоже к нему не отпускала, переговоры вела все через того же Лешу. Вроде бы подала на развод. Предложила забрать «шмутки», то есть только одежду, когда их не будет дома, что Геннадий и сделал. Компьютер не отдала, сказала, что у нее парень, безотцовщина, кто ему компьютер купит, когда он подрастет?

Друзья с ним пару раз выпили, но сказали, что пока жены не успокоятся, лучше ему на торжества и застолья не ходить. Он и сам не хотел без Вики...

Пойти с ней в кафе вместе с Качком и Романом? Одна мысль об этом вызывала раздражение. Странный парадокс человеческой психологии: с бывшим мужем своей жены можно наладить нормальные, даже теплые отношения, а с бывшим любовником – никогда. Кстати, даже не слишком чувствительный Качок, когда узнал, что Вика действительно ушла к Геннадию, стал ощущать в его присутствии неловкость, нечто вроде вины... Да, парадоксы психологии...

13.

Они отпраздновали окончание медового месяца, отсчет вели с того дня, когда Вика встретила его на одесском вокзале с большой сумкой, в которой лежала не только зубная щетка. Геннадий настоял на домашнем варианте, мол, это будет душевней и интимней. Но кажется, истинной причиной было то, что расплачиваться в ресторане пришлось бы уже известной вам Викиной шубкой, во всяком случае ее частью. Он купил самый роскошный букет, какой нашел на цветочном рынке Соборной площади, и «Токай» - любимое вино Вики. Себе хотел купить водку, но решил не шокировать бывшую миллионершу и взял виски. Она ему сделала подарок - две рубашки, не нуждающихся в глажке, и еще пару хороших джинсов. Вопросы глажки отпали окончательно.

За столом сидели втроем, по-семейному, с Глафирой Петровной, которая, судя по всему, предала любимого Митю и смирилась с новым исполняющим обязанности зятя. Она даже перестала называть его по имени-отчеству. Иногда говорила Вике: «Наш Геннадий...» и за это получала от не слишком ласковой дочери поцелуй в щечку.

Наш Геннадий в первом тосте сказал, как он счастлив с Викой, и сам почувствовал, что прозвучало немного сухо. Что делать, такой характер. Он не мог произносить пышные тосты и красивые речи, его это коробило. Но вид у него был такой счастливый, что все поняли недосказанное. А Глафира Петровна даже готова была прослезиться.

Потом они вместе с Викой – редкий случай - смотрели фильм «Титаник», который она записала еще до премьеры на экранах Украины и России. Она не любила блокбастеры, но перед Ди Каприо устоять не могла.

После картины Геннадий чуть не испортил праздник. Он как бы про себя сказал:

- Она привыкла к нормальной жизни, а он, который Ди Каприо, перекасти поле, вечно шатающийся, неприкаянный, - и не удержался, - неформал. Что было бы, если бы им не повезло с кораблекрушением?..

Вика вспыхнула, готова была обрушить на него громы и молнии. Но вспомнила, какой сегодня день, и сдержалась. Даже поцеловала – это можно было расценивать как эквивалент слов: «А у нас все будет хорошо».

Он поверил, потому что она добавила:

- Смотри, когда я тебя касаюсь, или ты меня, как будто прошивает током. Как на электрическом стуле...

- Ну и сравнения у тебя...

В эту ночь Геннадий долго не мог уснуть, и совсем не потому, о чем вы подумали. Он подводил итог первому месяцу новой жизни. Конечно, были трудности и сложности, порой болезненные, иначе и быть не могло, но они ни в какое сравнение не шли с каким-то

всепоглощающим - с его позиции реалиста даже ненормальным – ощущением счастья. Оказывается, и сумасшествие может быть счастливым. Главное, они все время (не считая работы) были вместе. Казалось, это ему никогда не сможет надоест. Он надеялся, что Вика испытывает те же чувства.

Долго ли такое могло продолжаться? В этом и была проблема. Как будет, когда закончится мораторий, наложенный Митей? А он – Геннадий это чувствовал – вот-вот будет отменен. Митя и так перегибает палку, и чувство вины у Вики может смениться раздражением. Она не любит, когда ее слишком нагибают, лишают самостоятельности. Она независима и подчиниться может только по собственному желанию, не иначе. В разговоре с Геннадием ее раздражение против «не подающего признаков жизни» бывшего мужа уже не раз прорывалось. Митя должен это почувствовать, если он так умен, как казалось его счастливому сопернику.

Интуиция Геннадия не подвела. На следующий же вечер, довольно поздно, часов в девять зазвонил Викин мобильный телефон. Они сидели, как обычно, с наушниками на кровати. Вика посмотрела на номер определителя, вспыхнула и сказала:

- Алло, слушаю. Привет.

Геннадий глазами спросил: «Митя?»

Вика кивнула: «Да».

- Все в порядке. Все нормально... Никого я не видела... Как почему?.. Ты же просил, чтобы я к ним пока не ходила, сказал, что позвонишь...

Геннадий встал и пошел на кухню. Вика жестом показала, мол, оставайся, но он вышел и плотно закрыл за собой дверь. Успел подумать: «Позвонил вечером, чтобы я был дома...»

Разговор продолжался довольно долго.

Вика зашла раскрасневшаяся, пунцовая. По выражению лица Геннадия она это поняла, бросила взгляд в зеркало... и в качестве оправдания поцеловала.

- Получила разрешение?

- Мы свободны как ветер! Он не думал, что я так буквально его послушаю. Не морщись! Просто он от ребят узнал, что я к ним не хожу, поэтому позвонил. И не нужно ехидничать! Но бог с ним! – Эта фраза Геннадия понравилась. - Главное, мы начинаем новую жизнь.

- И старая была не плоха...

- А новая будет еще лучше. Послезавтра именины Лелика и Болика – с них и начнем.

Вика была темпераментным человеком. Геннадий тоже не был медлительным, вальяжным, заторможенным, просто спокойным и уравновешенным, но за ней не всегда успевал в прямом и переносном смысле. А в этот вечер энергия в Вике просто зашкаливала. Она не могла сидеть спокойно на своих подушках, встала, бесцельно побродила по комнате, потом села у зеркала и чуть было не занялась макияжем.

- На ночь глядя? Ты куда-то собралась?

Она спохватилась.

- Нет, просто крем...

- Вот теперь к тебе прикасаться опасно. Ударит током. Почему ты так возбудилась? Соскучилась со мной?

В его голосе чувствовалась обида...

- А мы и там будем с тобой. Куда я без тебя, - и с нарочитой угрозой, - и ты без меня.

Геннадий недовольно поморщился.

- И будешь всем объяснять, что я твой новый сожитель? И все будут на меня глазеть?

Прозвучало грубо, впрочем - он так и хотел. Вика не стала обижаться, ей было не то того.

- А это проще простого. Новость до именин уже перестанет быть новостью.

Она посмотрела на часы – еще не поздно – и позвонила по мобильному. Говорила громко, обращаясь больше к Геннадию, чем к подруге, или кто там она была. Сказала, что послезавтра будет у Лелика и Болика. Потом перешла на драматический шепот:

- Дина, - ага, значит хозяйка сейшена, - я хочу тебе заранее открыть секрет. Я буду не одна... Не с подругой, а с другом... Да, близким. Очень близким, ближе не бывает.

Потом прикрыла трубку и подмигнула Геннадию.

- На том конце истерика.

Несколько раз подносила трубку к уху и потом отводила. Крики доносились даже до Геннадия. Наконец Вике удалось вставить:

- Перестань материться. Никакая я не блядь, - Геннадия передернуло, - мы с Митей давно разошлись. Да, давно, уже месяц... И я не трахаюсь, мы с ним живем. Твою мать, ты дашь слово сказать?

Геннадий позорно сбежал опять на кухню, но и там было слышно, просто к счастью слов нельзя было разобрать.

Наконец наступила тишина. Геннадий вернулся. Вика, к его удивлению, была не возбуждена, а весела и благодушно настроена.

- Видишь, как все просто. У Дины отличная репутация. Уже сегодня вечером полгорода будет знать об этом.

Она задумалась.

- На всякий случай поговорю с Кирой, тогда уже весь город с гарантией.

Она взяла телефон, а Геннадий от греха перешел на кухню.

Так начиналась новая жизнь.

14.

Новая жизнь оказалась настоящим калейдоскопом. Соскучившаяся Вика с головой нырнула в привычный «общественный» образ жизни, потащив за собой Геннадия, который был совершенно не приспособлен к этой среде. Он только сейчас начал понимать, насколько она не привыкла вечера проводить в четырех стенах. Не привыкла жить в неволе – так она назвала месяц, который Геннадий считал медовым и самым счастливым в своей жизни. Конечно, это было всего лишь эффектное словцо, под настроение, не больше, но оно его больно резануло. Вика этого даже не заметила...

Впрочем, начало новой жизни было довольно удачным, и Геннадий даже подумал, что не так страшен черт, как его малюют, что совсем неплохо, если они время от времени будут выходить в люди. Первым визитом, как вы знаете, были именины художников Лелика и Болика. Там все было просто, там народ пил и не очень обращал на всякую ерунду – и на не ерунду тоже – внимание. В том числе на то, с кем пришла Вика. Все было как в фильме о художниках – гуляли в большой студии, у стен картины, на одних вроде бы люди, на других кажется лошади. Пахло краской. Посредине было составлено несколько чем-то заляпанных столов, закрытых клеенкой – тоже не очень чистой. Тарелки обычные, пластмассовые, разнокалиберные вилки и ложки, какая-то сборная еда. Вика принесла две бутылки водки (водки, не виски!) и четыре баночки икры. Подарки в этой среде признавались только натурой - к столу. Братья были похожи; кто из них анималист, Геннадий не разобрал. Все гости имели какое-то отношение к живописи, человек двадцать. Мужчины были одеты как придется, большинство по-домашнему. Геннадий в костюме с галстуком выпадал из общей картины. Женщины выглядели, как обычно, более эффектно. Было три художницы и, кажется, четыре натурщицы. Кстати, пришла и Дина, немножко полная, симпатичная женщина, но со злыми глазами, примерно Викиного возраста. Наверно, специально, чтобы посмотреть на Геннадия. Оказалось, когда-то Вика у нее отбила Митю.

- Ты, сука на сене, сам не ам и другому не дам, - прошипела она при встрече довольно громко.

Вика только улыбнулась, пристыженной не выглядела.

Сразу по приходе Геннадию дали почти стакан штрафного, для него это было многовато, зато дальше общение пошло легче. Он снял пиджак, проблема была в том, чтобы найти чистое место, куда его можно положить.

Все матерились, женщины не меньше, чем мужчины, но звучало это привычно, как средство общения, почти незаметно. Геннадий отметил, что Вика почти не ругалась. Почти. И тихонько сказала, чтобы он не был ханжой.

Долго ругали какого-то бездарного художника, который, судя по всему, добился успеха. Кто-то читал стихи, в основном матерные, в том числе Губермана. Веселились как могли.

Одна натурщица по имени Виола – может, псевдоним – сразу положила на него глаз. Она сидела напротив, немного наискосок от него. Одежда ее состояла из очень живописных кусков, которые при различных положениях тела открывали различные участки. Виола старалась произвести на него впечатление и принимала различные продуманные позы, поэтому спустя какое-то время Геннадий уже знал всю ее топографию. Он признался себе, что до встречи с Викой мимо бы не прошел, Виола была из серии Полины, тоже высокая блондинка, но более эффектная и утонченная. Геннадий отметил это как факт из прошедшей жизни, сейчас его интересовала только одна женщина в мире.

Эта женщина, кажется, приревновала, наверно, под влияние двух, даже трех бокалов вина – Геннадий следил. И напомнила Виоле, что сейчас не сеанс позирования. А тут еще кто-то из братьев – пожалуй, не анималист, а значит Болик - внимательно, как-то через пальцы, посмотрел на Геннадия и сказал, что ищет для картины до пары Марье-искуснице царевича. На роль Марьи кастинг прошла Виола, надо признать удачный выбор. Царевича пока не было. Тело у Геннадия подходит, натура, не накачка, он тело сквозь одежду видит. А голова – он опять посмотрел сквозь пальцы, или как там они делают, – если немного удлинить, чуть убрать скулы, усилить подбородок, подсинить глаза, то может быть ничего. Нос вполне. Русский.

- Мы с ним будем отличной парой, - воскликнула Виола и приняла уже вообще немислимую позу.

А Вика нашлась и сказала, что ее скорее должен рисовать анималист Лелик в картине «Кобылица на лужайке». Все радостно захохотали, в том числе и Виола, которой кажется льстило сравнение с кобылицей. Словом, первый блин не оказался комом, и никто Вику вроде бы не осуждал. Там на мелочи – и даже не на мелочи – не обращали никакого внимания.

А по дороге домой слегка захмелевшая Вика неожиданно сделала ему комплимент.

- Ты, Геночка, у меня какой-то, - она искала слово и нашла, - настоящий.

Но оказалось, что «выходы в люди» были не время от времени, скорей время от времени они оставались дома. Последовал бесконечный ряд похожих, потраченных попусту – с его точки зрения – вечеров, которые, кроме головной боли, ничего не давали.

Вначале они «выходили» едва ли не каждый день, Вика утешала его, что это временно, накопилось много невыполненных обещаний. Это было ужасно. Он не только уставал, но временами просто задыхался. И даже иногда в прямом смысле – от недостатка кислорода. Чаще всего в помещении собиралось довольно много народу, стоял гул общения, и нередко еще при этом играла музыка. Он вначале добросовестно пытался вникнуть, принять участие – нет, не получалось. Он не знал людей, которых обсуждали, не знал событий, он был из другого мира. И главное – ему это все не было интересно.

Особенно допекали сейшены, где прослушивали новые записи, по традиции почему-то очень громко, иногда выступали подающие надежды небольшие ансамбли и тоже старались вовсю. Геннадий приучился глотать анальгин. Вернисажи он переносил легче – там можно было только изображать интерес. На междусобойчиках компьютерщиков (были и такие) он

узнавал только два слова – сайт и файл. На светских тусовках ощущал себя в лучшем случае предметом мебели. А Вика везде была своей.

У них с Викторией все-таки была одна очень хорошая черта – они никогда не предъявляли друг другу претензий, не повышали голоса, не говоря уже о грубости или скандале. Ждали, когда другой сам поймет. Кажется, только в этом они по-настоящему подходили друг другу. Считается, что нужно говорить то, что тебе не нравится, не таить в душе. Они думали иначе – если выскажешься, душе легче не станет, а человек если не понял без слов, то и слова не помогут. Я с ними в этом согласен, мой личный опыт говорит о том же.

И вот недели через две такой активности Вика поняла, что Геннадий на пределе. Она сказала, что нужно отдохнуть и посидеть дома. Была необычно – впрочем, как обычно – очень ласкова. И дальше стал повторяться один и тот же ритуал. На второй, третий, четвертый день она начинала бесцельно бродить по квартире, на лице появлялось выражение сфинкса. Предлагала о чем-то поговорить, хотя разговор не поддерживала да и тем не находилось. Потом начинался запойный период хождений по тусовкам. И снова раскаяние и попытка домашнего образа жизни.

Геннадий пытался найти темы для разговоров. Например, однажды рассказал, что слушал по телевизору передачу ученых о причинах любви, почему с научной точки зрения вдруг появляются сильные чувства.

- В этом большую роль играют флюиды, резонанс каких-то волн, даже атомы и молекулы принимают участие. Можно влюбиться, не сказав ни слова.

Вика его перебила – это был как раз период ее бесцельных перемещений по квартире.

- Смотри, значит мозги в этом не участвуют.

Со стороны Геннадия немая сцена. Вика поняла – перебор.

- Я имею в виду не ум, а здравый смысл. Надо не только чувствовать, но и понять, каково будет потом.

Желание продолжать у Геннадия пропало.

Была еще одна попытка; впрочем, он больше размышлял вслух.

- Я вспоминаю, мы с Полиной тоже не проводили время в дискуссиях. Иногда за вечер только перебрасывались несколькими словами. Но нас это не тяготило.

Вика заинтересовалась. Во-первых, Полину у них вспоминать было не принято, а во-вторых, тема...

- Почему?

- Вот и я думаю. Наверно, никто друг от друга ничего не требовал, были довольны тем что есть. И потом у каждого дома были дела, заботы, у Полины хозяйство, сын, муж... Меньше времени думать о себе...

15.

Постепенно ясным становился неизбежный выход – Вика должна хотя бы время от времени ходить тусоваться одна, Геннадий такого режима долго не выдержит.

Он старался отказываться не демонстративно. Для начала сказал, что у него встреча с друзьями – встреча действительно была. Вика пошла одна. Потом, что ему свидание назначил тесть – на самом деле эту встречу назначил он, давно нужно было поговорить. Вика снова пошла одна.

Тесть не понимал, почему Геннадий не работал на два фронта, такую терпимую и любящую Полину не так легко найти...

Геннадий оба раза «набрался», а это было совсем ни к чему. Еще не хватало...

Ходить одному ему было больше некуда, да и не тянуло. Он по-прежнему оставался домашним.

Пару раз он сослался на недомогание. А потом признал, что подряд ходить не может. Принуждать ее сидеть дома не собирается, поэтому ничего страшного, если она походит одна.

Не удержался и от укола – она ходила одна и при Мите. Вика укол приняла безропотно и с Геннадием согласилась.

Но беда была в том, что ее походы оказались еще более болезненными для обоих – Геннадий изводился, когда ее не было, а она не получала без него никакого удовольствия даже от самых приятных посиделок. Как он там – все время крутилось у нее в мозгах. Когда она выходила одна, то редко досиживала до конца мероприятия. Вместе тесно, а врозь... врозь просто мучительно.

Воистину – то в жар, то в холод. И обоим время от времени посещали мысли, что может быть, при постоянной температуре жить если и не интересней, то безусловно комфортней. Но это по-прежнему от них не зависело.

То, о чем я рассказываю, было бы довольно банальной ситуацией, которая часто встречается в жизни и решается известным способом – в конце концов, у них все еще оставалась возможность вернуть все на круги своя. Если бы их не связывало такое сильное чувство. Даже какое-то несовременное, честное слово.

Помните у Льва Кассиля в «Кондуит и Швамбрании» – если кит и вдруг на слона налезет, кто кого соборет?

Новый год встречали дома. Геннадий наотрез отказался идти к Дине, а Вика почему-то не захотела к Лелику и Болику. Неужели из-за Виолы? Кажется, она ревнива...

Было очень хорошо. Это оказался самый лучший за последнее время вечер, переходящий в ночь. После него Вика продержалась дома целую неделю.

А потом произошло неожиданное, а может, ожидаемое.

Представьте себе такую картинку – в гостиной на столе стоит стул, на нем Геннадий, он ремонтирует люстру. Вика стоит рядом, поддерживает для страховки стул и подает инструменты. В одной руке у Геннадия люстра, которая соединена с проводом, висящим из гнезда, а в другой плафон.

В этот момент раздается звонок мобильного.

- Извини, я мигом, - Вика идет в спальню и неплотно прикрывает за собой дверь. Ее разговор по телефону начинается нервно и на повышенных тонах. Геннадий, хочешь не хочешь, вынужден слушать, ни сойти, ни даже заткнуть уши не может.

- Я тебя просила мне не звонить... Ни домой, ни на работу.

«Ага, Митя. А я не могу не слушать. Стыдобища. Детский сад. Но выходит, он иногда звонит...»

- Ты волнуешься, но это не значит, что нужно меня дергать... Да, мы с тобой друзья, но и только. Митя, перестань. Ты понимаешь, - она перешла на крик, - что я без него жить не могу?!

И после паузы, отвечая на какой-то вопрос, еле слышно сказала:

- Но и жить с ним тоже не могу...

К счастью, после этих слов у Геннадия выпал из рук плафон и с грохотом покатился по столу.

Вика испуганно выглянула.

- Все в порядке?

- Да.

Закрывает дверь. Пытка прекратилась.

Вика вернулась быстро, Геннадий еще быстрее взял себя в руки. Закончил ремонт. Фраза «и с ним тоже не могу» повторялась в голове, как заезженная пластинка.

Самолюбие никто не отменял. Нужно принимать меры.

Самое интересное, что уйти ему некуда. Четверть своей зарплаты, как положено по закону, хотя еще нет развода, он отправляет Полине. Как правило, чтобы не мелочиться, третью часть. На остальное квартиру не снимешь, даже если его назначат начальником ведущего

отдела. И дело не только в этом. В одном городе с Викой он жить не сможет. Есть опасность, что прибежит обратно, не только поджав хвост, но и позорно виляя им.

Нужно заняться этим всерьез. На днях у него предвидится командировка в Херсон, там их филиал. Могут поспособствовать. Правда, близко от Одессы. Хотя зашли его и на Северный полюс...

Вика почувствовала, что с ним что-то не так, телепатия продолжала работать. Но ничего не говорила. Еще пару раз пошла одна, даже не предлагала ему. Но быстро возвращалась. Она даже немного похудела, это ей не шло.

Приближался день рождения Витьки. Он сына уже не видел почти два месяца. Позвонил Лене, договорился с ним встретиться.

- Что-то ты, брат, не выглядишь счастливым и ухоженным. Часть Полиных запасов уже израсходовал.

- Ладно, не будем об этом. Поговори с Полей, чтобы позволила мне увидеться с Витькой. Хоть на день рождения.

Они выпили, Геннадий как следует. Опять!..

Пришел домой, Вика еще не вернулась. Он улегся спать. Утром увидел, что она спит на диване в гостиной. Но сердитой не казалась, скорее наоборот, виноватой.

- Ты, Геночка, не сердись, очень уж храпел. И несло как от бочки. Геночка, ты же в принципе не пил?

- В принципе не пил.

- Я волнуюсь.

- Хорошо, я постараюсь. Меня и самого от спиртного воротит.

Он улыбнулся, хотя почувствовал, что улыбка опять приклеенная.

Два дня Вика никуда не ходила и даже пыталась помогать Глафире Петровне на кухне, пока та не выгнала ее оттуда. А еще через день позвонил Леня и сказал, что Полина разрешила ему прийти на именины Витьки, и даже жены согласились.

Наконец Геннадий повеселел. Пластинка «и с ним тоже не могу» в голове стала звучать не так громко. Вика перемену заметила, но сказала, что все понимает. И даже пошла с ним выбирать Витьке подарок. Купили простую, но симпатичную компьютерную игру.

- Вот и компьютер мой им пригодится.

В день рождения Геннадий после работы заехал за Викторией, дома принял душ, надел новую рубашку, любимые синие джинсы, которые, по словам Вики, ему шли. Он волновался, это было заметно. Машину решил не брать – предстояла выпивка.

- А ты куда?

- Пойду к Дине.

Все на именинах обошлось без эксцессов, хотя жены время от времени метали в него враждебные взгляды. А Полина посмотрела с неожиданной жалостью и сказала:

- Тебя не кормят?

Геннадий понял, что Леня рассказал о нем слезную историю, поэтому его и пожалели. Не простили, а только пожалели.

На Витьку появление отца большого впечатления не произвело. Он много ныл. Потом друзья ушли, Полина стала мыть посуду и попросила Геннадия уложить Витьку. Тот уже засыпал на ходу, так что большого труда это не составило. Потом она покончила с посудой, погасила везде свет, кроме гостиной. Они посидели, немного поговорили.

Полина сказала:

- Гена, я знаю, тебе сейчас трудно. Но помни, это твоя квартира. Ты здесь можешь всегда жить, сколько захочешь. На любых условиях. И просто как Витькин отец.

Он не удержался и подковырнул:

- А Леня говорит, что под тебя копает хозяин твоего магазина.

Хозяин был из тех невысоких не очень молодых мужчин южного происхождения, которые были не в силах устоять против очарования Полины.

- Не смейся. Кто мне нужен, если ты ушел...

И неожиданно сердце у Геннадия так заныло, что он всерьез испугался – как там Вика? Телепатия? Да нет, вряд ли...

И все-таки заторопился, попрощался, поцеловал Полину в щеку, потоптался в прихожей. Сказал:

- Поля, ты прости меня.

Надел куртку и увидел, что шапка, которую он не успел схватить, когда позорно бежал из дома, висит на том же крючке.

- Пусть пока повисит, - улыбнулась Полина.

Он сбежал с лестницы. Почему-то на сердце по-прежнему было беспокойно. По привычке взглянул на магазин напротив. Возле дверей какая-то фигурка; кажется, женская.

Вика!

Он побежал к ней. На улице было ветрено, холодно, конец января. Вика вся дрожала, окоченела, сначала всхлипывала, потом громко заплакала. зуб на зуб не попадал.

- Я ду... ду... мала, умру тут, за... за те полчаса, когда уш... ушли твои друзья и в спа... спальне погасили свет.

Он вспомнил, что показывал ей окна в спальне, а окна гостиной выходили во двор, Вика их видеть не могла. Попытался разогреть ей заочевенные руки, остановил машину, отвез домой. Уложил на кровать, стал растирать водкой – перепуганная Глафира Петровна отдала бутылочку из своих тайных запасов. Они с подружкой Катей любили при встрече...

Потом он укутал Вику теплым одеялом. Влил в нее полстакана водки. Насильно. Она никак не могла унять дрожь. Кажется, поднималась температура.

Неожиданно она приподняла голову с подушки и посмотрела на Геннадия знакомым требовательным, хоть на этот раз слегка зачмелевшим сфинксом. Он понял:

- Вика, ты сама говорила, выбор у нас небольшой - либо рай, либо ад крошечный, потому что мы действительно жить друг без друга не можем.

- И я тому полуживое доказательство,- она без сил откинулась на подушку.

У этой мелодрамы счастливый конец.